

ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЫРЕЗКИ В АРХИВЕ ГЕРЦЕНА

Обзор Л. Р. Ланского

В «пражской коллекции», а также в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, среди документов, полученных от наследников Герцена, сохранилось несколько десятков вырезок из русских и, главным образом, иностранных периодических изданий пятидесятых-шестидесятых годов, собранных самим Герценом во время его жизни в эмиграции¹.

Несмотря на то, что это собрание вырезок, вероятно, дошло до нас не в полном виде, оно представляет многосторонний интерес. Часть вырезок сделана из иностранных изданий, давно уже ставших библиографической редкостью и отсутствующих не только в советских, но и в западноевропейских книгохранилищах. На некоторых вырезках имеются пометки, сделанные самим Герценом. Эти материалы в своей совокупности дают наглядное представление об огромном влиянии, которое оказывал Герцен на западноевропейскую демократическую аудиторию, о выдающемся месте, которое он занимал среди руководителей революционного движения сороковых — шестидесятых годов и среди лучших представителей современной ему литературы.

Значительную часть сохранившихся вырезок составляют публикации произведений Герцена во французской, английской, немецкой и итальянской прессе, рецензии на его сочинения, а также статьи и заметки о нем самом и его деятельности. Сохранились также вырезки с материалами, не имеющими прямого отношения к Герцену, но по тем или иным причинам привлечшими его внимание. Отметим среди них материалы, характеризующие бедственное положение английского пролетариата и крестьянства и жестокость буржуазного правосудия. Интерес вызвало у Герцена также выступление видного деятеля I Интернационала Л.-Э. Варлена, провозгласившего в 1868 г. перед буржуазными судьями выход на политическую арену рабочего класса.

В коллекции сохранилось несколько вырезок с открытыми письмами Герцена, адресованными редакторам и издателям иностранных газет. Большинство из них перепечатано в собрании сочинений под редакцией М. К. Лемке*. Некоторые из писем Герцена к издателям, однако, остались неизвестными Лемке. Два из них были напечатаны по материалам «пражской коллекции» в т. 61 «Литературного наследства»: письмо к редактору «Kölnische Zeitung» — от 16 июня 1854 г. (стр. 216) и письмо к издателю «The Daily News» — от 27 декабря 1860 г. (стр. 260).

* Редактору «L'Homme» от 7 февраля 1854 г. (VIII, 21—26); издателю «The Morning Advertiser» от 14 февраля 1855 г. (VIII, 136—137); издателю «The Globe» от 23 октября 1855 г. (VIII, 235); издателю «The Daily News» от 16 и 20 апреля 1861 г. (XI, 79—80); издателю «The Times» от 19 ноября 1861 г. (XI, 342—344) и редакторам радикальных газет от 16 марта 1869 г. (XXI, 325).

Приведем здесь из той же коллекции еще два небольших письма к издателю английской буржуазно-либеральной газеты «The Daily News», не использованных Лемке и позднейшими исследователями*.

Первое письмо относится к началу октября 1862 г. и написано по поводу обращения Центрального народного польского комитета к издателям «Колокола» от 20/8 сентября 1862 г. В обращении декларировалось единство взглядов Комитета со взглядами «Колокола» по крестьянскому и национальному вопросам — в частности, провозглашалось право крестьян на обрабатываемую ими землю и право всякой нации на самостоятельное государственное существование. Напечатав этот документ в л. 146 «Колокола» от 1 октября 1862 г. (XV, 503—505), Герцен и Огарев переслали его перевод в «The Daily News» при следующем сопроводительном письме, которое мы даем в переводе (датируется приблизительно началом октября 1862 г.):

«Милостивый государь, мы просим вас поместить на страницах вашей уважаемой газеты нижеследующий документ и остаемся с величайшим уважением вашими и т. д.

А. Герцен }
Н. Огарев } издатели „Колокола“

Orsett House,
Westbourne terrace².

Второе письмо Герцена, также адресованное в «The Daily News», датировано 2 июня 1863 г. и связано со вторичным приездом в Лондон агента III Отделения — статского советника Хотинского, которому было поручено определить имена русских корреспондентов «Колокола». «Оставить Хотинского в покое было невозможно, — замечал впоследствии Герцен, описывая обстоятельства, при которых он узнал о приезде Хотинского. — Я начал с того, что пошел в ближайшее кафе и написал короткое извещение о возвращении „русского агента Хотинского в Лондон“, предостерегая поляков, наших друзей, и отметив его квартиру. С этой запиской пошел я в „Daily News“. В редакции застал я Эдуарда Пигота. „Напечатаете?“ — спросил я. — „Да, если вы подпишете“. — Письмо подписано (XVIII, 347; см. также XVI, 282). Это письмо из «The «Daily News» не было перепечатано Лемке. Вот его текст (в переводе):

«Русская тайная полиция
Издателю „The Daily News“

Милостивый государь, один из главных агентов русской тайной полиции, действительный статский советник Матвей Хотинский, снова в Лондоне. Мы считаем своим долгом оповестить о его приезде всех поляков и наших русских друзей в Англии. Примите и пр.

Александр Герцен,
издатель „Колокола“.

Англия
Orsett House
Westbourne terrace, 2 июня³.

Идентичное письмо было опубликовано Герценом на русском языке в № 9 газеты П. В. Долгорукова «Листок» за 1863 г. (XVI, 279).

Из всех иностранных публикаций сочинений Герцена, сохранившихся в собрании вырезок, наиболее ранними являются статьи «Qui a raison? Dialogue sur le tillac avant l'orage» («Кто прав? Диалог на палубе перед грозой») — первая главка, напечатанная анонимно в № 5 парижской газеты, издававшейся П.-Ж. Прудоном, — «Le Peuple de 1850» от 9 августа

* Здесь, как и ниже, в нашем обзоре приводятся и аннотируются исключительно статьи и заметки, сохранившиеся в архиве Герцена.

1850 г., и «Epilog für das Jahr 1849» («Эпилог 1849 года»), впервые напечатанный по-немецки под полным именем Герцена в двух номерах нью-йоркской немецкой газеты «New-Yorker Abend-Zeitung», повидимому, в сентябре 1850 г. (на вырезке дата не обозначена). Обе эти статьи впоследствии, в русском варианте, вошли в книгу «С того берега». Публикуя «Эпилог 1849 года», редакция «New-Yorker Abend-Zeitung» сделала примечание:

«Рукопись сообщаемого нами по требованию многих наших подписчиков „Эпилога“ была прошлой весной передана г-ну Юлиусу Фрëбелю теперешней редакцией *d. Bl.**, и он прочитал его своим слушателям на последней лекции. Никому более в Европе и Америке она не известна, и ее самой уже не существует, так как парижская полиция конфисковала русский подлинник при домашнем обыске у автора».

К нескольким более позднему времени относится сокращенная газетная публикация работы Герцена «Русский народ и социализм», появившаяся в газете В. Гюго «L'Avènement du Peuple», № 63 от 19 ноября 1851 г. (в отделе «Фельетон „L'Avènement du Peuple“»), под названием «Le Peuple Russe» («Русский народ») и за полной подписью Герцена. Публикации предшествовала следующая заметка одного из редакторов газеты — Камилла Беррю: «Чтение „Легенд демократии“, которые г. Мишле публикует в „L'Avènement“, вызвало со стороны одного из виднейших русских писателей-патриотов ответ, трогательное красноречие которого заставит сильнее заботиться все сердца. Спешим предложить несколько выдержек из него друзьям свободы во всех странах».

Весной 1853 г. в неустановленной, повидимому бельгийской, газете была напечатана статья, озаглавленная «Русская типография в Лондоне». В ней опубликованы отрывки из обращения Герцена «Братьям на Руси» (VII, 186—188) и содержится обещание напечатать в одном из ближайших номеров письмо Герцена в редакцию «Demokrata Polski» (см. VII, 228—234).

Джерсейская революционная газета «L'Homme» напечатала 22 февраля 1854 г. статью Герцена «Письмо к гражданину редактору „L'Homme“» (VIII, 21—26) со следующим примечанием редактора, Ш. Рибейроля:

«Мы любим всех, кто *держат* — как в области мысли, так и в бою, и мы с удовольствием напечатываем письма** гражданина Герцена, что не лишит нас права высказать наше мнение француза, цивилизованного... и бессильного».

Статья «Письмо к гражданину редактору „L'Homme“» была напечатана М. К. Лемке только в русском переводе. Французский оригинальный текст по недосмотру не включен и в издание Академии наук СССР (см. V, 1955, стр. 218—224).

В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в «пражской коллекции» сохранились два экземпляра этого номера «L'Homme» с правкой Герцена*** (см. воспроизведение экземпляра ЛБ в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 221).

* des Blattes, т. е. газеты (нем.).

** Речь идет о «Письмах из Франции и Италии». — Л. Л.

*** На газетной вырезке «Письма к гражданину редактору „L'Homme“», хранящейся в ЛБ, имеются следующие пометки и исправления, сделанные рукой Герцена:

На верхнем поле газеты надпись: 22 févr<ier>; в абзаце: Entre la réalité...—слово usurpation переделано на aspiration; в абзаце: On ne peut créer...— после слова nouveau написано слово que, а слово hémisphérique переделано на paralysée; в абзаце: Le Bedouin a son sol... — слово séjour переделано на retour; слово diluviennes — на siluriennes; в абзаце: Il prenait pour de l'or...— слово convulsions переделано на illusions; в абзаце: Eh bien, nous voyons cela...— выброшены слова beaucoup и tous; в абзаце: C'est de là, Monsieur...—выброшено слово maintenant; в абзаце: «Le Lloyd», parlant d'une de mes brochures...— слово le dégoût переделано на le dégât.

В экземпляре, хранящемся в «пражской коллекции», Герценом сделано лишь одно исправление, в абзаце: Entre la réalité...—слово usurpations переделано на méditations. На обороте вырезки им же написано: Rui Blas и Royer-Collard.

В той же газете от 5 сентября 1855 г. в разделе «Variétés» («Смесь») напечатано извещение о выходе в свет первой книжки «Журнала русской пропаганды» (т. е. «Полярной звезды»).

«Чтобы дать представление о духе, царящем в этом сборнике, — пишет Рибейроль, — мы переводим статью, обращенную редактором к его русским друзьям».

Далее напечатана статья Герцена «К нашим» (VIII, 221—225). На газетной вырезке Герценом сделано корректурными значками несколько исправлений*.

2 сентября 1856 г., в № 206 «Санкт-Петербургских ведомостей» была напечатана за подписью «В. Б.» статья Герцена «Оба лучше» (VIII, 345—351). В архиве Герцена сохранилась вырезка с этой статьей, в которой он сделал несколько исправлений**.

В лондонской газете «Le Courrier de l'Europe», выходившей на французском языке, 3 января 1857 г. был напечатан отрывок из третьего тома «Былого и дум» («Mémoires d'un Russe») о рождении сына Герцена — Александра, со следующим предисловием от редакции:

«Публикуемый ниже отрывок из „Мемуаров русского“, так же, как и все сочинение, частью которого он является, никогда не печатался на французском языке. Мы счастливы, что можем дать понятие нашим читателям о произведении, которое, будучи опубликовано на трех языках — русском, немецком, английском, не только было увенчано тройным успехом, но которое, еще до издания на французском языке, уже известно и вызывает восхищение во Франции. „Revue des Deux Mondes“, „La Presse“ уже много раз беседовали со своими читателями об этом замечательном произведении, создать которое мог только такой человек, как Александр Герцен, вынужденный вследствие деспотии царя, а также других деспотий, искать спасения и свободы в бесчисленных скитаниях по югу и западу Европы; связанный со всеми народами, хорошо зная все языки, свидетель и судья правов, законов, самых разнообразных переворотов, он сумел поставить свой огромный опыт познания людей и явлений на службу уму, необыкновенно сильному и оригинальному. Французские читатели, надеемся мы, смогут вскоре ознакомиться с мемуарами Александра Герцена не только по цитатам из литературно-критических статей. Три первых тома уже переведены на французский язык и вскоре будут опубликованы. Ознакомившись с печатаемым нами сегодня отрывком — отрывком, переведенным самим автором***, — наши читатели,

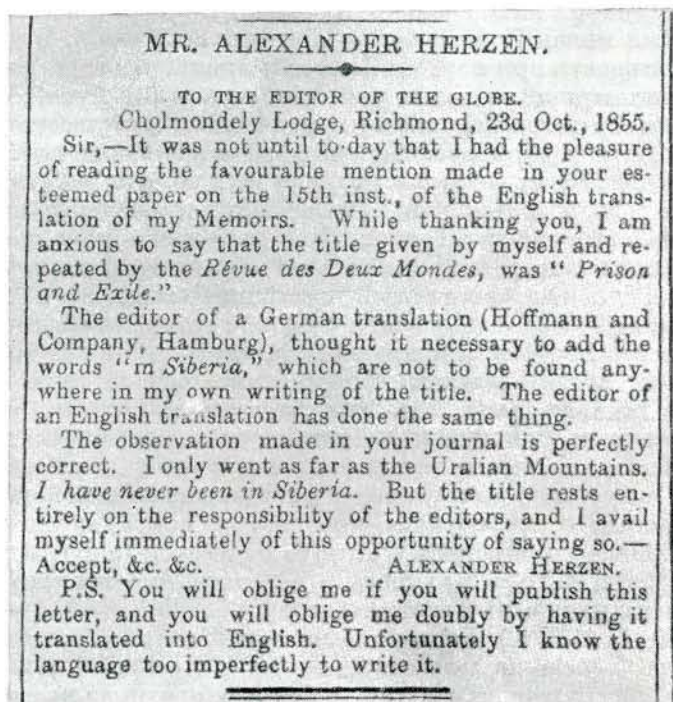
* В конце третьего абзаца перед словами: bonne volonté — вставлен артикль la; в абзаце: Depuis cette journée... — перед словом l'indépendance вставлено nous; в абзаце: La première messe data le 25 juillet (6 août) переделана на 25 juillet.

** В абзаце: И. Санд говорит... — ошибочно набранное слово врагом переделано на Орасом; в абзаце: Между жителями Новой Зеландии... — перед словами оставил у актрисы, повидимому, выброшено слово он (правка неясна); в абзаце: А отчего, с другой стороны... — подчеркнуты слова Уровень понижился, и перед ними поставлен значок, повидимому, отмечающий вставку (вставка не сохранилась); текст от слов: Между Луве и Поль-де-Коком, кончая словами гарантированная префектурой, обведен Герценом жирной чертой; в абзаце: Марго — женщина... — выброшен текст Немногим лучше ее весь литературный парижский Сен-Лазар, которого двери растворил А. Дюма-сын; в абзаце: Итак, наконец, между Фобласом... — вычеркнуты слова Итак, наконец. Здесь же подчеркнуты слова прошло мешаство, овладело людьми и образовало два поколения. Заключительная строка: Прикажете продолжать? — вычеркнута.

См. репродукцию этой вырезки в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 339. — По вине цинкографии первые из перечисленных выше пометок не получились на репродукции.

*** Об этом переводе, выполненном самим Герценом, ранее ничего известно не было. — Л. Л.

так же, как это бывало с нами каждый раз по прочтении чего-нибудь написанного Герценом по-французски, будут удивлены и очарованы, видя, какой оригинальный характер принимает французский язык под этим русским пером; и, отдавая себе отчет в том, насколько автор в своем стиле является одновременно и русским, и французом, они, без сомнения, подумают, какой удачей для французской литературы было бы почаще представлять права гражданства таким писателям. Что же касается Герцена, то он не только имеет как писатель право гражданства в России, Германии,

ВЫРЕЗКА ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE GLOBE»
от 25 ОКТЯБРЯ 1855 г.

Здесь напечатано письмо Герцена к издателю «The Globe»
«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Англии, Франции, он имеет как мыслитель право, еще более возвышенное, — право гражданства в той обители, куда любовь к свободе и справедливости предоставляет доступ даже людям, нищим духом, но куда сам гений не мог бы вступить, если б только гений мог существовать без любви к справедливости и гуманности.

Мы просим извинения у наших читателей за то, что несколькими своими строками замедлили их наслаждение и оставляем их наедине с автором, с этими страницами, полными жизни, ума, нежности и той благотворной прозни, которая высмеивает только зло, которая вместо того, чтобы раздражать, пробуждает и просвещает самые великодушные чувства, свойственные человеческой природе*.

* В этой публикации Герценом сделано одно исправление в абзаце: C'est le commencement de la famille, в словах L'amour de la mère effrayée выброшено корректурным значком, повторенным на полях: de la mère.

27 июня 1857 г. та же газета опубликовала французский перевод статьи Герцена «Августейшие путешественники. I. Вдовствующая императрица» (VIII, 542—547), снабдив его следующим предисловием:

«Как жаль, что великий князь Константин во время недавнего своего путешествия по Западу удовольствовался тем, что отправился приветствовать королеву Англии, и не счел нужным доехать до Лондона. Ему можно было бы там показать нечто более интересное, чем все виденное им в других местах, нечто такое, что он мог найти только здесь и что могло добавить прекрасную главу к его дорожным впечатлениям. Это нечто — русская типография г. Александра Герцена. Однако, хоть и будучи русским, великий князь Константин — прежде всего князь, и он предпочитает присутствовать при парадах флотов и армий, чем видеть наборщиков, составляющих строки из своих ужасных маленьких букв. Это понятно: пресса, когда она свободна, старается уничтожить могущество царей, поддерживаемое армиями, а русская типография в Лондоне свободна, совершенно свободна: наши читатели могут судить об этом по статье, перевод которой мы сегодня публикуем. Эта статья извлечена из новой газеты, которую начал выпускать г. Герцен. Газета эта носит название „Колокол“ и вместе с журналом „Полярная звезда“ образует арсенал, при помощи которого г. Герцен, представитель новых идей, столь же просвещенный, сколь и независимый, пробивает брешь в старом общественном порядке в России. Это, следует признаться, оружие, несколько более опасное для дома великого князя Константина, чем пезаны, ланкастеры⁴ и пловучие батареи союзников. Имя Александра Герцена уже знакомо нашим читателям. Они смогут оценить по статье, публикуемой нами сегодня, манеру, с которой непочтительные русские *подданные* высмеивают своих августейших государей и государынь из семейства Николая».

В «пражской» и «софийской» коллекциях сохранилось одиннадцать страниц парижского журнала «Revue Française» за 1858 г. с публикацией герценовского «Доктора Круцова» в переводе Аксенфельда (стр. 284—292). Перепечатывая в 1868 г. эту повесть в «Kolokol» (№№ 4 — 5 от 15 февраля — 1 марта 1868 г.), Герцен подверг значительной переработке перевод Аксенфельда, испещрив многочисленными поправками страницы своего экземпляра, послужившего затем наборным оригиналом для «Kolokol». Некоторые из этих поправок были кем-то предложены Герцену карандашом и затем обведены им чернилами*.

* Перечислим здесь исправления, внесенные Герценом в текст перевода:

Стр. 284. Над заглавием надписи: Начало и 284.

В первом абзаце, после слова *confrères* выброшено *en science*; в след. абзаце к словам *la résidence et la capitale* вместо прежнего подстрочного примечания вписано новое: *Distinction que les Slavophiles faisaient toujours — pour rehausser Moscou.*

Стр. 285. Слова в подписи *docteur médecin et chirurgien* — переделаны на *Med. et chir. Dr.*; в абзаце: *Je suis né...* (а также и в дальнейшем тексте) — слово *bedeau* заменено словом *sacristain*; *avare* заменено на *malingre*; *de la kacha* — на *du gruyau*; *une petite cellule* — на *un réduit*.

Стр. 286 (в том же абзаце): *d'une bête forcée* — заменено на *d'un animal forcé*; в абзаце: *A l'âge de douze ans...* слово *halath* — заменено на *surtout en toile de nankin*.

Стр. 287. В 1-й строке: *un des plus beaux panoramas qui se puissent trouver...* — переделано на *un des beaux panoramas de plaines que l'on trouve...*; в абзаце: *Le petit Léon m'accompagnait...* — слова *monstre*, *parce qu'un monstre* заменены на *malheureux*, *un malheureux*; в абзаце: *Quelques jours avant la fête...* — слово *blouse* переделано на *chemise*, а *Le commis* — на *L'intendant*; после *ivrogne* — вписано *et que l'on ne savait que faire de lui*; после *se réjouir* — вписано *en lui endossa l'uniforme d'un fou. Les persécutions redoublèrent*; слова *du lepechki*, *du kvas*, *de la braga* — заменены на *des flancs*, *lui donnait de la bière* и выброшено подстрочное примечание с объяснением вычеркнутых слов.

Стр. 288. В конце того же абзаца после слов *avec le petit Léon...* — выброшено *c'est-à-dire qu'il l'abaissait pour se relever lui-même*; в следующем абзаце после *disait-il* — выброшено слово *souvent*; в абзаце: *Ah, seigneur...* — после слов *Respecte tes père et mère* — выброшено *et toi, bêta...*

Имеются здесь также четыре страницы «Полярной звезды на 1859 год» с публикацией главы XLIII «Былого и дум» («Осeano Nox») с авторской правкой Герцена*.

Хранится среди вырезок также заметка из неустановленной итальянской газеты (от осени 1861 г.), с публикацией письма Герцена к барону Бруннову от 11 октября 1861 г. (XI, 248—249). В редакторском примечании к этой публикации Герцен назван «знаменитым редактором „Колокола“».

Брюссельская еженедельная газета «La Rive gauche», орган левых республиканцев, выходившая под редакцией Л. Фонтена, напечатала в №№ 14, 20 и 29 от 8 апреля, 20 мая и 22 июля 1866 г. французский перевод следующих статей Герцена: «1789» (XVIII, 364—366), «Иркутск и Петербург» (XVIII, 374—381) и «Голос русского о войне» («Война») (XIX, 1—4). Все эти номера хранятся в бумагах Герцена (см. воспроизведение номера от 22 июля 1866 г. в «Лит. наследстве», т. 61, стр. 407).

Мы находим здесь также несколько отдельных номеров и страниц «Italia del Popolo», революционного органа, выходившего в это время в Генуе под редакцией Франческо Денегри. В номере от 10 марта 1857 г. опубликовано «Письмо Герцена к Джузеппе Маддини о положении в современной России» (VIII, 402—416); в номере от 19 марта 1857 г. — итальянский перевод знаменитой речи Герцена, посвященной памяти С. Ворцеля, под названием «Траурная речь»; в номере от 21 февраля 1858 г. — продолжение статьи Герцена «Русский заговор 1825 года» (XXII, 74—94). Первая и последняя статьи напечатаны без всяких примечаний от редакции. Ко второй сделано небольшое предисловие, в котором редакция напоминала читателю, что статьи Герцена не впервые появляются на страницах «Italia del Popolo»; публикуемая речь Герцена названа редакцией «красноречивой».

Стр. 289. В абзаце: A cette époque... перед elle n'était pas dépourvue Герценом выброшено слово pourtant. Слова l'attention en était éveillée — заменены там же на que l'on en avait envié; в следующем абзаце слово des monstres заменено на fous. Далее зачеркнута фраза Les enfants? Mais le petit Léon peut en faire, des enfants, ce n'est pas là une affaire difficile. Далее слова le seigneur Féodor Grigorievitch — Герцен заменил на le seigneur du village.

Стр. 290. В том же абзаце, после слова amuse Герцен вычеркнул les autres. В абзаце: Je n'ai jamais trop compris... — слова pour le moins au père Basile переделаны на au seigneur; слова du citoyen — переделаны на de son état; в конце абзаца слова ils ne sont ni moins stupides, ni moins inutiles que lui заменены на pour lui une jouissance instinctive; в абзаце: Je revenais constamment... — слова élève de seminaire заменены на étudiant en théologie и слова difficile, et même заменены на transcendentaux; в абзаце: Les vacances passées... — перед il s'appuya выброшено слово mais; на полях подпись Герцена: N3 Набирать.

Стр. 291. В абзаце: Ma pensée se fixait... — слова science religieuse заменены на théologie; далее: quand je t'attraperai, je te montrerai de quoi il retourne — переделано на je te flanquerais une leçon; далее перед словами que j'ai demandé la permission — выброшено слово vraiment.

Стр. 291-bis (пагинация Герцена). Во фразе: finalement, il me rappela — слово sermon заменено на commendement; вместо de Nil Serski — написано Saint Nil.

Стр. 292. В первой строке слово une place заменено на une paroisse; далее: Féodor Grigorievitch заменено на son père; в абзаце: «Oh! Oh! dit-il...» — вычеркнуто слово sautilant; далее к словам on l'a battu — приписано слово là-bas.

Стр. 292-bis (пагинация Герцена). В абзаце: Mais ses propositions... — Герценом выброшено De quoi diable le jeune seigneur pouvait-il être occupé? Il se promène sans but, à travers les champs, surtout là où travaillent les filles des paysans. Est-il vrai qu'il ne peut pas trouver cinq minutes à lui? Двумя строками ни же le village Poretchie — заменено на un village; далее une fête — заменен на la fête; после Le curé du pays nous invita — знак еставки (ставка отсутствует). Далее выброшены слова La tête fut splendide et d'une gaieté bryante; seul, j'étais triste; далее выброшено bonnes gens orthodoxes; слово Paserichie заменено на chez nous; после: du plaisir выброшено monsieur; далее выброшены слова Messieurs, veuillez le prendre.

* См. воспроизведение трех страниц в т. 62 «Лит. наследства», стр. 15. На оставшейся невоспроизведенной стр. 157 Герценом исправлена опечатка («цело» вместо «тело») и выброшен союз «но» в предложении: «но струя молока сочалась...».

Среди вырезок находится также отрывок из «Былого и дум» — воспоминания о Гарибальди (XIII, 341—342), напечатанный 30(?) апреля 1861 г. английской газетой, название которой установить не удалось (как указано в примечании от редакции, этот отрывок заимствован из № 4 журнала «Deutsches Magazin», издававшегося немецким поэтом Юлиусом Роденбергом), а также вырезка из какой-то английской газеты, озаглавленная «Гарибальди и Александр Герцен» с английским текстом письма Гарибальди к Герцену от 13 апреля 1861 г. и ответом последнего от 19 апреля 1861 г.; здесь же находится еще одна вырезка из английской газеты с перепечаткой отрывка из того же письма Гарибальди к Герцену, опубликованного в «Diritto».

Упомянутая выше газета «La Rive gauche» напечатала в № 34 от 10 сентября 1865 г. письмо Герцена к издателю, датированное 28 августа 1865 г., — по поводу появившихся в реакционной русской печати клеветнических сообщений, содержавших обвинение Герцена в организации поджогов (VIII, 193—194). Л. Фонтен предварил публикацию следующими словами: «Вот письмо благородного человека и великого гражданина». В заключение редактор восклицал: «Этот язык, полный твердости и достоинства, может обойтись без комментариев, он обладает неотразимой убедительностью».

28 января 1866 г., в № 4 той же газеты был напечатан отрывок из письма Герцена к Эдгару Кине по поводу книги последнего «La Révolution» (XVIII, 293—294) со следующим примечанием Фонтена: «Этот отрывок, несомненно, достоин внимания; но мы хотели бы, чтоб Герцен изложил более четко отношения, которые привязывают человека к земле, ознакомил бы нас подробнее, как он понимает разрешение социального вопроса, стоящего в России еще более остро, быть может, чем где бы то ни было».

Здесь же хранится вырезка из «The Daily News» от конца октября 1854 г. — «Conversations with the Russian prisoners at Plymouth» («Беседа с русскими пленными в Плимуте»), с датой под статьей — 27 октября 1854 г. Эта статья, подписанная «Путешественник-космополит», была введена Лемке в Собрание сочинений Герцена по ошибочному указанию Н. А. Герцен-дочери (VIII, 106—111). Содержание этой статьи совершенно исключает возможность авторства Герцена. Вероятно, она была написана польским эмигрантом А. В. Гольнским*.

В «пражской коллекции» находится также вырезка из неустановленной французской газеты 1869 г. с публикацией предвыборной речи Тьера, которую Герцен в русском переводе процитировал в своей статье «Даниил Тьер» (XXI, 375—377).

1868 годом датируются наклеенные на листы белой бумаги шесть колонок «Supplément du „Kolokol“», содержащих французский текст отрывка из «Былого и дум» («Cogitata et visa»), напечатанных в № от 15 февраля 1869 г. Повидимому, Герцен готовил отрывок к переизданию и с этой целью расклеил печатные страницы.

* * *

В «Былом и дум» Герцен подробно рассказывает о том, как в начале 1850-х годов «старейшины города Цюриха», узнав, что в их городе, в училище глухонемых, воспитывается сын атеиста и социалиста Герцена, распорядились исключить ребенка из школы и выслать его из города.

«Я рассказал об этом в Париже. Кто-то из моих знакомых напечатал об этом в „Национале“, — пишет Герцен. — Устыдившись гласности, полиция сказала, что она не требует высылки, а только какую-то ничтожную сумму денег в обеспечение (caution), что ребенок не кто другой, а он

* На вырезке надпись неустановленным почерком: With Mr Holinski's compliments <С приветом от г. Гольнского (англ.)>.

сам» (XIII, 424). В архиве Герцена сохранилась эта вырезка из газеты «National» от 21 февраля 1850 г. (название газеты и дата надписаны рукой самого Герцена). Заметка гласит:

«Преследования, которым подвергаются в Швейцарии эмигранты, перешли все границы гнусности. Они доходят теперь до смешного. Вот пример, слишком поразительный, чтобы к нему не было привлечено общественное мнение.

Г-н***, политический изгнанник (по понятным причинам мы не сообщим ни его имени, ни откуда он родом), находящийся в настоящее время в Париже, поместил в Цюрихе, в учебное заведение для глухонемых, своего единственного (!) шестилетнего сына.

Директор этой школы получил приказание выбросить на улицу бедного ребенка, сына изгнанника.

Понимая, какую ответственность он возьмет на себя по отношению к родителям, и отступая перед гнусностью подобного поступка, директор упомянутого учебного заведения поспешил написать г.***, что ему придется забрать своего сына. При этом он сообщил, что ему с большим трудом удалось оттянуть исполнение этого приказа на несколько дней, и то благодаря тому, что он внес в залог *восемьсот франков*, долженствующих гарантировать, что молодой эмигрант — этот шестилетний глухонемой! — не нанесет никакого ущерба безопасности соседних правительств.

Как ни неправдоподобен этот рассказ, мы ручаемся за его полную достоверность. Он покажет, до чего доходит требовательность правительств, до чего доходит унижение Швейцарии».

Отметим одну подробность: в «Былом и думах» Герцен мельком указывает, что он вскоре после появления этой заметки опубликовал в «National» статейку, в которой обращался с вопросом к цюрихским правителям: что сделали бы они с ребенком, если б у его родных не оказалось денег? — Как нам удалось установить, с этим вопросом к цюрихским властям Герцен обратился не через «National», а через газету «La Voix du Peuple» (см. об этом в следующем, 64, томе «Лит. наследства», в наших комментариях к письмам Герцена к Г. Гервегу).

Среди вырезок, собранных Герценом, мы находим письмо К. Маркса в редакцию лондонской газеты «The Morning Advertiser» от 31 августа 1853 г., в котором он опровергает обвинения, брошенные по его адресу Герценом и И. Г. Головиным, связывавшим его имя с предпринятой против М. А. Бакунина кампанией (см. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXV. М., 1934, стр. 193—195).

Во второй июльской книжке «Revue des Deux Mondes» за 1854 г., журнала «целомудреннейшего и чопорнейшего», как называл его Герцен (VIII, 584), известный впоследствии переводчик «Былого и дум» на французский язык Делаво напечатал большую статью о Герцене под названием «Современный роман в России». Делаво подверг благожелательному разбору ряд произведений Герцена — «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», «Кто виноват?», «Прерванные рассказы» и политические сочинения 1852—1854 гг. Делаво с явным неодобрением отнесся к революционно-публицистической деятельности Герцена и в заключении статьи рекомендовал ему отказаться от публицистики и возвратиться к художественному творчеству, утверждая, что Герцен «уже занял место среди самых талантливых продолжателей Гоголя».

Статья Делаво (эту и следующую — о «Былом и думах», помещенную вскоре в «Revue des Deux Mondes»), Герцен назвал «добрыми, но уж очень глупо консервативными» (VIII, 106).

Одним из первых откликов английской печати на лондонские издания Герцена явилась сохранившаяся в коллекции вырезок рецензия издававшегося Дж.-Г. Люисом и Торнтоном Гантом журнала «The Leader»

от 3 декабря 1853 г., озаглавленная «Русское издание в Лондоне» и посвященная выходу в свет «Прерванных рассказов». «Редакция „Leader“ — единственная знакомая мне в Лондоне <...>, — писал Герцен В. Линтону 6 декабря 1853 г. — Она не очень-то радикальна, но у нее явно выраженное стремление к социализму. А вы-то знаете, что я не понимаю революции без социализма» («Лит. наследство», т. 64). Упомянутая рецензия состояла из простого изложения содержания «Прерванных рассказов» и множества обширных цитат, без всякой оценки со стороны рецензента.

Аналогичная публикация, озаглавленная «Prerwannya rasskazi Iscandera» и датированная: «Лондон. 25 февраля <1854 г.>, — появилась и во французской газете, название которой установить нам не удалось. Сообщая о выходе в свет в Лондоне на русском языке этой книги, «содержащей потрясающие картины русской жизни», и о том, что французский перевод будет вскоре напечатан в Париже, редакция привела большой отрывок из «Долга прежде всего»*.

26 апреля 1854 г. польский Центральный демократический комитет направил издателю газеты «The Morning Advertiser» следующее обращение, сохранившееся среди герценовского собрания газетных вырезок (см. VIII, 80):

«Милостивый государь, корреспондент, скрывшийся под именем „Демократ“, упоминает в вашей почтенной газете наши имена и цитирует наши слова с целью оклеветать нашего друга и союзника А. Герцена, приписывая ему намерения и тенденции, совершенно противоположные тем, которых он придерживается и которые провозглашает на самом деле. Хотя не в нашем обычае отвечать на анонимные выпады, когда они бывают направлены против нас, мы не можем в данном случае воздержаться от торжественного протеста против подобного сообщения. Именно потому, что мы нашли во мнениях и трудах А. Герцена достаточные доказательства его уважения к правам Польши, его любви к свободе и отвращения к посягательствам московитов в чужих странах и тому деспотизму, с каким они управляют в своей стране, мы основали вместе с ним тесный международный союз, союз „независимой и демократической Польши“ и „демократической и свободной России“; первым плодом этого сотрудничества и явился призыв Герцена к своему народу, озаглавленный „Прощение и союз“ <„Польшаки прощают нас!“>, наше собственное воззвание к русскому народу, публичная речь Герцена на нашем последнем праздновании 29 ноября и, наконец, „Призыв свободной русской общины к солдатам русской армии в Польшу“ <„Русскому воинству в Польшу“>, который был составлен Герценом и затем опубликован в двух английских газетах.

Мы не упоминаем о многих публикациях того же рода, из которых мы могли бы процитировать неопровержимые доказательства полного согласия Герцена со взглядами и принципами, провозглашенными в нашем „Воззвании к английскому народу“, цитаты из которого ваш корреспондент пытается „использовать“ против него, доказательства преданности Герцена политической линии, начертанной его предшественниками — Пестелем, Муравьевым, Бакуниным. Если мы, представители национальных интересов Польши как в политическом, так и в общественном ее развитии, довольствуемся подобной гарантией, эта гарантия, казалось бы, должна была б удовлетворить самые взыскательные требования тех, кто являются только друзьями Польши.

Эта подписанная нами декларация — достаточный ответ на бездоказательные и необоснованные анонимные нападки. Итак, выражая свое сожаление по поводу того, что ваша уважаемая газета используется столь

* На нижнем поле вырезки рукой Герцена вписаны наполовину срезанные на следующей колонке слова печатного текста: que condescendance avec.

New York Times
Monday
the 20th

NORTHERN CIRCUIT.—LIVERPOOL, AUGUST 21.

Queen's Court.—(Before Mr. Justice Blackburn.)

Elizabeth Baynes
the 20th
hard labor
for seven
years
for
the
murder
of
her
child
in
1874
at
the
age
of
12
years
and
she
is
now
in
the
gaol
at
the
age
of
30
years

Elizabeth Baynes, 17, was indicted for the murder of her child, about 12 months old. The circumstances of the case were of a peculiarly painful character. The prisoner had been driven from the shelter of her father's house, after the father had polluted her person by incestuous intercourse. In misery and destitution the poor girl wandered about the neighbourhood of Eccles, near Manchester, not knowing what to do with herself and child. While in this condition a man came up to her, entered into conversation, and ultimately suggested that she should get rid of the child by throwing it into the river. Goaded to desperation by her miserable state of mind, she yielded to this suggestion, and having fastened a stone in a cap fastened it round the infant's neck, and threw it into the river itself. She then went to the house of a woman whom she knew in Eccles, and with whom she had found shelter for a few nights. When asked what had become of the child, she told a couched story about having given it to a woman, but afterwards she admitted that she had thrown it into the river, and the police, upon dragging the river at the point indicated, found the body.

Mr. Pope having addressed the jury for the defence.

His lordship summed up, telling the jury that the painful circumstances under which the crime had been committed might form ground for a recommendation to mercy, but must not be permitted to interfere with the full performance of their duty.

The jury found the prisoner Guilty, and she was sentenced to death, his lordship remarking that he would forward the recommendation to the proper authorities.

The prisoner was removed in a state of insensibility.

Elizabeth Baynes, who was convicted for the murder of her child at the late Liverpool Assizes, has had her sentence commuted to penal servitude for life.

SUNDAY HAYMAKING.—An extraordinary scene was witnessed in Leigh on Friday last, and created much excitement and indignation. Mr. Superintendent Orton, the informer and prosecutor of a number of farmers and others for saving a quantity of hay from an impending storm, accompanied by a large body of policemen collected from the adjacent districts, proceeded to execute five warrants of distress on the goods and chattels of the recusants. The parties selected for punishment are all small farmers, who not only characterize the prosecutions as invidious and unneal for, but are advised on good legal authority that the convictions are illegal. The convictions are invidious because at the very same session the very same magistrates had before them six labourers for getting coal out of the land on the Sunday, but dismissed the charge on the ground that the work was one of necessity. We believe that the defendants are advised that the convictions are bad, and the whole of these proceedings are illegal, among other reasons, because the section setting forth who shall not work on Sundays does not include farmers in its category, and the Act expressly excludes works of necessity and charity. None of the persons who assisted in getting in the hay or neighbours, and who were convicted for "aiding and abetting," have been levied upon. The warrants are issued on the goods and chattels of Messrs. Peter Cleworth, John Cleworth, Joseph Cleworth, Robert Howarth, and Joseph Batterby, and are signed by Mr. Richard Grant. Detachments of officers were sent to the residences of the five defendants to "take possession," and Mr. Superintendent Orton and some of the officers proceeded on their levying mission. Their first visit was to Messrs. Cleworths farm, near the Leigh Vicarage. Mr. Orton stated that his demand was 2l. 3s., being 20s. each for penalty and costs. Messrs. Peter and John Cleworth. A valuable cow was taken possession of by the police and driven away. The police then proceeded with the ballif's cart to Mr. Joseph Cleworth's, in Bradshawgate, where they obtained a sofa for their booty. After safely lodging this spoil in the Town-hall they proceeded to the residence of Joseph Batterby, in Black Lane, Westleigh, and formally demanded 1l. 3s. The house and premises bore evident signs of most abject poverty, and Batterby's wife promptly informed the officers that they had much more need to bring them something than take anything from them. She added, "If I had been the gentleman that sent you I would have let it out of my own pocket before I would have distressed such as us. My husband is as sober and hard-working a man as any in the parish, and he was only trying to save our bit of hay, and get us a bit of bread, for we are badly enough off. We have not a blanket on our beds, neither under nor over, and it is hard if we must be distressed when we have done nothing wrong." Mr. Superintendent Orton address his men, informing Mrs. Batterby that they would not remove anything. The police then proceeded to Mr. Robert Howarth's house, near Westleigh Mill. Mr. Orton produced the distress warrant for the 1l. 3s., but the defendant declined to pay. Mr. Orton said, "I seize this chest of drawers in the Queen's name." A handsome chest of drawers was then removed by the police. Although a considerable number of people were present at each seizure, the utmost order was preserved by all. A subscription has been vigorously commenced for the purpose of assisting the defendants in testing the validity of the convictions.—*Manchester Economist.*

СОБРАННЫЕ ГЕРЦЕНОМ ВЫРЕЗКИ ИЗ АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ

На полях запись рукою Герцена

Вырезки содержат материалы, характеризующие отношение английского суда к немущим классам

«Правянская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

недостойным образом авторами анонимных корреспонденций, преследующими, повидимому, единственную цель — посеять рознь внутри демократического лагеря, — к которому, отметим, принадлежит ведь и ваша газета, — мы заключаем наше письмо надеждой и уверенностью, что ваше собственное чувство справедливости побудит вас напечатать этот протест. Позвольте уверить вас в нашем глубоком уважении, в котором, милостивый государь, мы и пребываем.

Члены польского Центрального демократического комитета
А. Ж а б и ц к и й, Л. З е н к о в и ч, С. В о р ц е л ь

Лондон, 26 апреля 1854 г.»

Участие Герцена в известном лондонском митинге 27 февраля 1855 г. посвященном памяти революции 1848 г. и являвшемся, по словам Герцена «торжественным, но неудавшимся опытом соединения социалистов всех эмиграций с чартистами» (XIV, 360), отражено в четырех вырезках из английских газет.

Обращение Международного комитета в редакцию газеты «The Daily News», напечатанное в ней 20 февраля 1855 г., с защитой Герцена от клеветнических измышлений И. Г. Головина, отрицавшего за Герценом право представлять на митинге революционную Россию, было полностью приведено последним в «Былом и думах» (XIV, 361—362).

Тому же вопросу посвящена вырезка из неустановленной английской газеты, озаглавленная «Александр Герцен, русский изгнанник», в которой выражено возмущение выпадом Головина против Герцена. «Герцен, — пишет газета, — в течение пяти лет был пленником среди Уральских гор, и освободили его лишь для того, чтобы выслать из России, его родной страны. Г-н Герцен — глава русской демократической литературы и наиболее замечательный изгнанник своей страны, и поэтому его можно считать представителем миллионов ее трудящихся. Он будет участником митинга в St. Martin Hall, и будет — мы верим этому — принят с радостью, которое покажет, что англичане в состоянии сочувствовать русскому народу, ибо они желают, чтобы русский тиран был свергнут».

Название газеты, из которой сделана следующая вырезка, также не установлено, но это значения не имеет, так как в ней перепечатан отчет о митинге в St. Martin Hall, помещенный в «The Times» под заглавием «Революции 1848 года». Холодно и не без недоброжелательства описывая и самый митинг, и выступление на нем Герцена, корреспондент «The Times» в своей «коварно-спокойной статье» (VIII, 157) отмечал, тем не менее, что «русский джентльмен г. Герцен, который поддержал резолюции, был встречен с энтузиазмом, ибо председатель объявил, что он, вследствие тирании царя, целых три года находился в русской тюрьме».

«Речь, произнесенная им на французском языке, — продолжает «The Times», — была написана лучше всех остальных и ставила своей целью объяснить вполне естественные для русского народа демократические тенденции и рост этих тенденций, но она потеряла большую часть своего эффекта вследствие того, что была прочитана довольно невнятным голосом; она, вероятно, выиграла бы, если б ее преподнесли публике не как устное обращение, а в виде брошюры. Вообще иностранцы — не французы по национальности, но питающие пристрастие к французскому языку, — вынуждены были читать свои речи по писанному тексту; это ставило их в несколько невыгодное положение по отношению к английским ораторам, которые не были скованы текстом и потому весьма успешно поддерживали энтузиазм слушателей...».

Упомянув об этой статье в письме к М. К. Рейхель от 28 февраля 1855 г., Герцен писал, что «The Times» пощадил его, «но в меру» (VIII, 154).

Совсем в ином тоне выдержано подробное описание этого «крупнейшего из митингов в честь демократии, когда-либо виденных в столице», помещенное в чартистском органе «The People's Paper», от 3 марта 1855 г. Статья озаглавлена: «Грандиозная демонстрация в S. Martin's Hall'e». «The People's Paper» напечатала речи всех ораторов, в том числе и Герцена.

Репортер привел следующие слова председательствовавшего на митинге:

«В знак дружбы народов резолюцию, предложенную англичанином, поддержит изгнанник с континента, и, чтобы показать, что мы отвергаем национальную вражду, что, воюя против деспотов, мы не смешиваем с ними народ, который они угнетают, резолюция эта будет поддержана — кем бы вы думали? русским! (*Восторженные приветствия.*) Это человек, хорошо известный всей Европе; его произведения заслужили мировую славу; он — жертва царя; его Николай сослал на семь лет в Уральские горы, он — представитель революционных надежд России. Этот человек — Александр Герцен».

«Восторг, с которым встречен был г. Герцен, не поддается описанию», — отмечает корреспондент «The People's Paper» и приводит далее перевод полного текста речи, произнесенной Герценом по-французски*.

Публикация речи Герцена завершается следующими словами репортера:

«Г-н Герцен возвратился на свое место под гром рукоплесканий. Из рядов партера вышла английская дама и, приветствуя его от лица Англии, преподнесла ему букет редких цветов; собравшиеся выразили свое одобрение восторженными возгласами».

В своем выступлении известный чартистский деятель Джордж-Джекоб Голиок отметил, между прочим, что «весьма приятно было видеть, как огромный митинг так терпеливо выслушивает длинные речи, произносимые на языке, непонятном большинству».

Выступивший вслед за тем Альфред Таландьё полемизировал с высказыванием Герцена о том, что абсолютизм более космополитичен, чем революция.

В «Былом и думам» Герцен дважды рассказывает об этом памятном для него вечере (XIV, 311—313 и 360—362).

«Многие ли из наших читателей знают, что в Лондоне имеется русская печать?» — Так начиналась рецензия на «Тюрьму и ссылку» Герцена в лондонском «умном, ученом» (VII, 584) критико-библиографическом журнале «The Athenæum» (№ 1419 от 6 января 1855 г.). «Мы имеем в виду не англо-русские газеты, руководствующиеся в большей или меньшей степени интересами России и вдохновляющиеся московским духом, — продолжал рецензент, — а настоящую русскую печать, русские книги, издаваемые на русском языке и предназначенные для распространения в России. Таков факт. Сверх того, это печать свободная. Ни один цензор не вмешивается в ее издания, ни один полицейский не контролирует ее набор. Она публикует все, что считает нужным, и пускает в обращение все, что только может. Словом, русская печать в Лондоне — это демократическая печать». Изложив историю русско-английских культурных связей и охарактеризовав издания Вольной русской типографии, автор статьи заключает: «Имя г. Герцена хорошо известно в России и в последние годы сделалось знакомым во Франции и Германии». Затем он приводит сведения о Герцене и его творчестве и переходит к изложению содержания «Тюрьмы и ссылки», перемежая свои замечания обширными цитатами. Статью свою рецензент заканчивает весьма сочувственной оценкой деятельности лондонской Вольной русской типографии.

* На вырезке Герцен сделал два исправления корректурными значками: в абзаце I must here observe — после слов The Moniteur to слово reject исправлено на inset; в абзаце The government of St. Petersbourg... — слово little переделано на much.

4 августа 1855 г. в № 1 газеты «Londoner Deutsches Journal für Kunst, Musik, Literatur, Gewerbe und öffentliches Leben» появилась анонимная статья «Русская типография в Лондоне». Начинается она с характеристики многовекового «мистического» «молчания России»; затем автор переходит к восхвалению «гениальной мысли одного русского изгнанника, воспринявшего самые новые, самые смелые идеи современности» и выразившего их в форме, в которой «полудикое происхождение сочеталось с духовной утонченностью цивилизованного мира», — мысли основать в Лондоне вольную русскую печать. «Безразлично, — пишет далее автор, — соответствует ли своей цели — пропаганде в России — эта основанная Александром Герценом печать. Во всяком случае, существование ее имеет большое значение для славянской культуры, ибо первая пора свободного выражения составляет эпоху в истории языка. Мы знаем произведения, написанные Герценом по-немецки и по-французски, и любим их не только за их печальный, суровый дух, но, главным образом, за то, что автор их сумел провидеть будущее, что гораздо труднее, чем восстанавливать дух прошедших времен».

«Герцен намерен со следующего месяца начать издание журнала на русском языке под названием „Полярная звезда“, — продолжает газета. — Уже самое это заглавие выбрано весьма удачно. Перед нами встает мрачная-русская ночь, в которую падает луч света от звезды, не достижимой для вражеской руки. Всех тех, кто вынужден молчать в России и кому есть, что сказать, Герцен приглашает выразить в его журнале свое отчаяние или надежду».

Давая высокую оценку «Былому и думам», газета особенно отмечает «стремительный, торопливый, гневный и пламенный стиль Герцена, делающий правдоподобным слух о том, что автор родился во время московского пожара».

«Герцен представляет собой одну из интереснейших фигур в кукольном театре нашего времени», — восклицает в заключение автор статьи.

К августу или сентябрю 1855 г. относится анонимная статья из неустановленного немецкого журнала — «По поводу русской национальной литературы». Относясь с невежественным высокомерием к русской литературе, якобы «импортированной из Германии», рецензент, тем не менее, восторженно отзывается о «Записках охотника» Тургенева и попутно упоминает о Герцене, особенно отмечая его остроумие.

Выход в свет в 1855 г. английского двухтомного издания «Былого и дум», под названием «*My exile in Siberia*» («Моя ссылка в Сибирь»), вызвал огромный интерес у английской общественности. Во многих лондонских и провинциальных периодических изданиях появились обширные рецензии на эту книгу, дававшие и ей, и ее автору весьма высокую оценку. Некоторые из этих рецензий (напечатанных анонимно, по принятому в английских изданиях обычаю) сохранились в архиве Герцена. В них приведены многочисленные цитаты из разбираемого сочинения. О «грезвоне и фамиапе» в английских газетах в связи с выходом в свет «Былого и дум» Герцен шутливо сообщил М. К. Рейхель (VIII, 235).

«Талантливость сочинений Герцена, его стиль, легкий, плавный и приятный, — писала лондонская литературная газета — «*The Critic*» 15 октября 1855 г., — могли бы с полным правом быть замечены при любых обстоятельствах; но произведения его вызывают особый интерес еще и потому, что принадлежат перу русского писателя и отражают характерные свойства его ума. Среди своих соотечественников, исповедующих свободлюбивые убеждения и получивших в изгнании свободу речи, он занимает совершенно особое место».

Отмечая, что Герцен «наделен всеми свойствами, отличающими русский ум, — пронизательностью, глубиной анализа, живостью мысли,

гибкостью и выразительностью, блестящей остротой сарказма», рецензент особенно подчеркивает свойственный Герцену гуманизм: «Сила Герцена заключается в его подлинной человечности; вера и надежда никогда не покидают его; он искренне стремится ко всеобщему благу и считает его осуществимым; он беззаветно предан своему делу и знает, чего именно хочет».

Подробно излагая содержание первых частей «Былого и дум», автор замечает: «Нам редко приходилось читать повествование, так сильно возбуждающее интерес к автору, как герценовская „Ссылка в Сибирь“». «Картина русской жизни свежа и оригинальна, начертана без преувеличения и отмечена несомненной печатью правды. Эта книга достойна того, чтобы ее прочли. Она является страшным свидетельством против правительства, борющегося с лучшими умами России».

Цитированный выше журнал «The Athenæum» писал в № 1460 от 20 октября 1855 г.: «Эти мемуары о двукратной ссылке Герцена полны того, что можно назвать романтикой политической жизни, ибо в политике только и есть романтического, что жизнь патриота». Рецензент отмечает огромное влияние Герцена в России и подробно излагает содержание первых частей «Былого и дум». Заканчивает он свою рецензию словами: «Эти удивительные и своеобразные мемуары могут дать читателю отчетливое представление о русской общественно-политической жизни. Произведение Герцена, написанное с простодушием и мастерством и безусловно правдивое, вне всякого сомнения, намного выше по интересу, чем девять десятых всех существующих сочинений о России».

Рецензент «The Atlas», газеты, руководимой венгерским революционером Л. Кошутом (VIII, 180), в номере от 20 октября 1855 г. назвал Герцена наиболее замечательным представителем «молодой России», глубоко опечаленным недостатками и страданиями России, но всегда глядящим на нее с любовью и надеждой. «Стиль книги г. Герцена, — заметил рецензент, — оттолкнет вначале английского читателя своей фрагментарностью, разбросанностью и умалчением тех подробностей, на которые англичанин обратил бы особое внимание. Но чисто русские достоинства Герцена придают его книге особую ценность, и тот, кто возьмет на себя труд прочесть ее и задумается над ее страницами, получит лучшее представление об условиях жизни в царской державе, чем если б он пытался сделать это другими путями». В конце рецензии автор ее (возможно, что это был сам Кошут или Ф. Пульский) обещал снова возвратиться к этой значительной книге при первой же возможности.

Подробно описав историю ареста и ссылки Герцена, рецензент известного английского журнала «The Economist» от 10 ноября 1855 г. заключал: «Мы можем от всего сердца рекомендовать эту книгу вниманию наших читателей, — как книгу, написанную человеком, высоко одаренным, имевшим доступ в высшие общественные и официальные сферы и близко знакомым с функционированием русской правительственной системы».

В ноябре 1855 г. в неустановленной английской газете, название которой оканчивалось на *imes* (не «Times»), появилась весьма благожелательная рецензия на «My exile in Siberia».

«Александр Герцен <...>, — писал рецензент, — известен во всех концах своей родной страны как ученый, философ и публицист величайшего дарования». Описав преследования, которым подвергало Герцена русское самодержавие, рецензент продолжал: «Но Александр Герцен, человек умный и потому стоящий выше страха, человек чести и потому неподкупный, не поддавался ни обольщениям, ни угрозам. Он продолжал свою деятельность в Англии и основал на Regent-square первую русскую типографию, свободную от вмешательства цензоров, — этих чиновников

правительственного акциза. Из этого предприятия вышли тысячи экземпляров его сочинений, проникавших в Россию и возбуждавших общественную мысль. Герцен — либерал и даже нечто более того. Его книги, плохо понятые даже его почитателями, содержат подлинное учение, которому суждено сломать здание политического и общественного деспотизма. Они обращены к дворянству, к горожанам, к крестьянам русской империи, сообщают о преступлениях, сигнализируют об опасностях, разъясняют права и указывают на благоприятные обстоятельства. Они свободны и красноречивы, исполнены мыслей, несколько мистичны, быть может, но основываются на исторических результатах и практически рассчитаны на то, чтобы влиять при тайном распространении на русский народ.

Переходя к «Былому и думам», автор пишет: «В этих мемуарах, более очаровательных и разнообразных, чем мемуары Сильвио Пеллико, Герцен описывает самые занимательные эпизоды своей жизни. Он был изгнан дважды и провел несколько лет на подневольной службе в Сибири. Там ему пришлось встретить немало любопытных типов — солдат, жандармов и чиновников всех разрядов; он имел возможность пристально изучить систему самодержавного управления. В секретных канцеляриях он наблюдал эту систему в действии, разгадал весь ее обман, был свидетелем процветающего в ней взяточничества и сделал верный вывод относительно нравственного уровня страны, живущей под гнетом подобного деспотического управления. Уже по одному этому сочинения г. Герцена могут рассчитывать на исключительный и устойчивый интерес. Но у этой книги есть и другие качества, которые еще более ценятся читающей публикой. Они насыщены занятными историями, живописными сценками и интересными очерками, взятыми прямо из жизни. Описание сибирской ссылки — самое сдержанное из всех, которые нам когда-либо попадались, хотя ничто в рассказе г. Герцена не смягает нашего представления о ее ужасе». Называя мемуары Герцена «бесценными», рецензент обращает особенное внимание на сцены ночного ареста, допросов, переезда на пароме через Волгу и пр.

«Мы предлагаем нашим читателям, — пишет рецензент, — изучить самого Герцена и его труды. Тогда они поймут, что существует Россия развитых личностей, умственных интересов и нравственных устоев, — против такой России мы никогда не будем воевать. Она — зрелый плод нашего столетия, находящийся на севере Европы, и г. Герцен является ее представителем. К счастью, в дополнение к своему первоклассному таланту он получил глубокое и разностороннее образование и незаурядный опыт. Когда человек, наделенный всеми этими качествами, рассказывает о событиях своей политической жизни, о преследованиях, которым подвергался, о своей жизни в ссылке, о своих занятиях, его книга соединяет в себе все привлекательные свойства романа и истории. Нам известны различные записки о продолжительном пребывании в России — наблюдения, сделанные за девять, десять и тридцать лет жизни в этой стране; нам известно бесчисленное множество путешественников; некоторые из них проникли в глубины Российской империи, — однако г. Герцен, строгий во всем, что касается фактов, но исполненный драматизма как рассказчик, воссоздает с большим успехом, чем кто-либо из прежних авторов, общественную и официальную жизнь России. Несомненно, что знакомство с его трудами необходимо всем, кто хочет, чтоб его знания находились на современном уровне».

На фоне многочисленных хвалебных отзывов резко выделяется воронье карканье консервативной газеты «The Morning Post», постоянной защитницы русского самодержавия, выступившей в № 25537 от 8 ноября 1855 г. с огромной рецензией на «My exile in Siberia», полной клеветнических выпадов против Герцена. Упрекая великого русского писателя в отсут-

ствии патриотических чувств, с ироническим недоверием отзываясь о преследованиях, которым подвергался Герцен в России, рецензент пытался убедить английских читателей в том, что Герцен из каких-то корыстных побуждений старается оклеветать свою родную страну и свой народ. «Эта книга <...>, — пишет рецензент, — несомненно обладает значительными литературными достоинствами, но мы имеем смелость думать, что автор ее создал себе ошибочное представление о нашем национальном

*Don M. pour cotisation
— par le P. de la Rive Gauche*

SUPPLÉMENT

AU JOURNAL LA RIVE GAUCHE

CHANT DES PROLÉTAIRES.

sur: Le peuple est roi.

Désérités qu'on nomme prolétaires,
Grands pionniers des champs de l'avenir,
De la misère éternels tributaires,
En un faisceau sachons-nous réunir!
De notre force appuyons nos requêtes!
Martyrs obscurs de l'inégalité,
N'avons-nous pas, quoique bannis des fêtes,
Faim de bonheur et soif de liberté?

Plus d'empire et plus de servitude!
C'est assez d'usurpation!
Faites place à la multitude:
Vive la révolution!

L'isolement nous frappe d'impuissance
Et nous soumet au joug du capital.
Au faïence revient la jouissance,
Au travailleur le grabat d'hôpital.
Associés nos efforts et nos larmes!
Par l'union notre force s'accroît.
Tous pour chacun, faisons tomber nos chaînes!
Marchons serrés sous l'étendard du droit!
Plus d'empire, etc.

Nos ennemis ont un système infâme!
Nous ahurir pour mieux nous dominer.

QUESTIONS SOCIALES.

VI

Les forces économiques.

I. — Division du travail et force collective.

On appelle *forces économiques*, certains principes d'action qui sont, par leur essence, producteurs de richesses: certains modes certains procédés en industrie qui, par eux-mêmes, et sans qu'on ait augmenté le nombre des producteurs, augmentent la quantité des produits.

Les principales forces économiques sont: la division du travail, la force collective, la concurrence, les machines, le crédit.

Dans la société actuelle, toutes les forces économiques, toutes ces puissances industrielles qui par leur nature devaient, en augmentant le nombre des produits, faire diminuer de plus en plus les privations aussi bien que les fatigues du travailleur, accroître la consommation et donner à tous le bien-être, qui devraient en un mot conduire l'humanité entière à la richesse et à la prospérité, sont laissées sans direction, sans contre-poids, sans équilibre, sont livrées au hasard ou aux caprices des propriétaires, et — au lieu de créer l'abondance pour tous — amènent nécessairement, avec quelques avantages peu sensibles, des maux incalculables et des désastres innombrables.

Pour prouver ce que nous avançons, jetons un rapide coup d'œil sur les principales *forces économiques* et sur les résultats de chacune d'elles.

Tout le monde sait ce que les économistes entendent par *division de travail*. C'est une certaine distribution de la main d'œuvre, distribution d'où résulte que chaque travailleur fait toujours la même opération, et que par conséquent le produit, au lieu de sortir entier,

Misère et déchéance physique et morale du producteur, telles sont, dans la société actuelle, les conséquences de la *division de travail*.

Passons à l'examen des résultats d'une autre force économique: la *collectivité*, ou mieux la *force collective*.

Il est constant qu'un certain nombre de travailleurs unis dans un but commun, par la simultanéité et l'harmonie de leurs efforts, parviennent à effectuer dans un laps de temps donné, un travail que chaque producteur isolément ne serait jamais parvenu à exécuter dans un laps de temps composé du premier laps de temps multiplié par le nombre des travailleurs.

Quelques exemples feront mieux comprendre:

1° La création d'un établissement industriel qui exigerait toute une année et le concours des travaux divers et des connaissances spéciales d'un millier d'ouvriers, serait impossible à un homme seul, même en accordant à cet homme toutes les connaissances spéciales, et en supposant que cet homme fût un souverain. Mathématiquement impossible à un homme seul, même en accordant à cet homme toutes les connaissances spéciales, et en supposant que cet homme fût un souverain. Mathématiquement impossible à un homme seul, même en accordant à cet homme toutes les connaissances spéciales, et en supposant que cet homme fût un souverain.

2° Le défrichement d'une forêt qui pourrait être achevé en cent jours par une centaine de travailleurs combinant leurs efforts, ne pourrait être fait par un ouvrier isolé qui consacrerait à cette besogne 10,000 journées.

3° Une quinzaine d'hommes ont, en quelques heures, hissé sur son piédestal la statue de la colonne du Congrès à Bruxelles; un homme seul ne serait probablement jamais parvenu à la placer, et à coup sûr il n'aurait pu la placer en 15 jours.

C'est un vertu de cette *force collective*, que cent ouvriers, agissant avec ensemble, produisent dans un moment donné, non pas comme 100, mais comme 300, comme 500, comme 1,000.

En représentant par A le nombre des travailleurs et par B le laps de temps passé à faire la production, devrait être de A x B, mais par la combinaison harmonieuse des travaux, par la *force collective*, il arrive

ПРИЛОЖЕНИЕ К № 40 БЕЛГИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «LA RIVE GAUCHE» («ЛЕВЫЙ БЕРЕГ») ОТ 19 НОЯБРЯ 1865 г.

Здесь помещена статья Ф. Пардигона: «Эпизоды из Июньских дней», заинтересовавшая Герцена, о чем свидетельствует его помета

Лист 1

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

характере, воображив, что подобное произведение может показаться приемлемым для большинства английских читателей.

В заключение рецензент «The Morning Post», сообщаящий о приобретении Герценом печатного станка для издания русских книг, рекомендует Герцену, «если он хочет сохранить уважение англичан», — продать свой печатный станок и купить вместо него... каток для белья.

«The Morning Post» была не единственной газетой, пытавшейся скопрометировать Герцена в связи с выходом в свет «My exile in Siberia». Придравшись к тому, что английские издатели, в рекламных целях, для привлечения покупателей, *самовольно* изменили заглавие книги Герцена, беспринципная лондонская газета «The Morning Advertiser», которую

Герцен называл «журналом питейных домов»* (XIV, 306), подняла против него ожесточенную кампанию, обвиняя его в мошенничестве.

В «Былом и думах» Герцен писал по этому поводу:

«„Morning Advertiser“ начал меня шпиговать в неделю раза два-три. Он говорил, что я слово „Сибирь“ употребил для лучшего сбыта книги, что я протестовал *через пять дней* после выхода книги, т. е. давши время сбыть издание. Я отвечал; они сделали рубрику: „Case of M<ister>H<erzen>“**, как помещают дополнения к убийствам или уголовным процессам. Адвертайзеровские немцы не только сомневались в Сибири, приписанной книгопродавцем, но и в самой ссылке. „В Вятке и Новгороде г. Г<ерцен> был на *императорской* службе; где же и когда он был в ссылке?“

Наконец, интерес иссяк, и „Morning Advertiser“ забыл меня» (XIV, 312—313).

В бумагах Герцена сохранилась вырезка из «Morning Advertiser», с двумя письмами к издателю этой газеты. Первое из них, в защиту Герцена, имеет название «Ссылка Герцена» и подписано «Довольный, а не обманутый».

«Милостивый государь, — писал издателю автор этого письма, — ваш корреспондент, подписывающийся „Обманутый“, не удовлетворенный дарованной ему привилегией печатать свое явное злопыхательство на г. Герцена и его последнее сочинение, идет еще дальше и включает в круг своего презрения или сострадания введенную в заблуждение публику и журналистов. Вы разрешите мне, я уверен в этом, протестовать против наглого утверждения, что каждый читатель „Моей ссылки в Сибирь“ — либо дурак, либо одураченный.

Тому, кто берется обличать чужие ошибки, надлежит быть особенно осторожным — как бы самому не создать ложного впечатления. Ваш корреспондент, разоблачая „литературную ложь“ заглавия, не сомневается однако в правдивости самого рассказа, — наоборот, он извлекает из него все касающееся автора, но самым несправедливым образом и с очевидным намерением передать содержание книги в совершенно искаженном виде. Г-н Герцен вовсе не утверждал, что был сослан в Сибирь. С другой стороны, надо, очевидно, полагать, что составители карт умышленно искажают географию, помещая Вятку у границы Сибири. Переезд во Владимир был ему дозволен как смягчение наказания, и если бы г. Герцен в самом деле пытался убедить читателей в том, что Новгород находится в Сибири, он этим бы показал, что считает невежество британской публики равным чудовищному невежеству, проявленному его оппонентом. Он не был четыре года императорским российским советником, а был в Вятке скромным служащим в губернской канцелярии, где ему приходилось общаться с людьми самого низшего круга. Молодого человека, который не совершил никакого преступления, разлучают с близкими, отрывают от общества, в котором он привык вращаться, посылают в одну из глухих губерний громадной российской пустыни. Это ли не ссылка? Каким еще словом можно обозначить подобное положение? Рассказ г. Герцена будет и впредь возбуждать благороднейшие симпатии журналистов и публики не вследствие того, что они будут верить или не верить, что Вятка находится в Сибири, а вследствие того, что автор был жертвой как крупных, так и мелких преследований.

Я открыл книгу г. Герцена с известным предубеждением — следствие моего разочарования в сочинениях других русских писателей, придерживающихся либеральных воззрений. Сведения, которые я почерпнул из нее, так заинтересовали меня — он воссоздал передо мной кар-

* «Morning Advertiser» была собственностью английского «Общества защиты патентованных пивных».

** «Дело г. Г<ерцена>» (англ.).

тину всех фаз русской жизни, ее внутреннее движение, нынешнее состояние и перспективы на будущее,— что я невольно стал искать другие произведения того же пера. Ваш корреспондент требует произвести „более глубокое расследование“— что ж, это не трудно! Мы можем соглашаться или не соглашаться с политическими взглядами г. Герцена, но нельзя его обвинить ни в скрытности, ни в лицемерии, ни в отсутствии прямоты в выражении своих взглядов. Англичане, которые так тщеславятся своей личной свободой мысли и действия, своей свободой печати, не станут поддерживать кампанию против первого русского, который отправился в добровольное изгнание, чтоб основать вольную русскую печать с целью просветить своих поработанных сограждан.

Милостивый государь, у меня нет никаких личных побуждений для ведения полемики, кроме интереса читателя к писателю, чьи произведения доставили ему пользу или удовольствие. Книга г. Герцена достигла бы нынешней своей популярности и под всяким другим названием, и этот успех, возможно, и вменяют ему в преступление. Позвольте же мне еще раз выразить мой протест, заверяя вас, что многие читатели присоединятся к этому моему заявлению.

Д о в о л ь н ы й, а н е о б м а н у т ы й

Upper Tuls Hill.
Декабря 3-го 1855 г.

Не желая оставить последнее слово за защитником русского революционера, издатель вслед за этим письмом поместил под упомянутой Герценом рубрикой «Mr Herzen's Case» новое письмо, подписанное тем же псевдонимом — «Обманутый». В этом клеветническом письме, также датированном 3 декабря, издевательски разбиралось объяснение Герцена по поводу названия «The exile in Siberia» и выдвигались новые обвинения.

Издатель «The Morning Advertiser» сопроводил это письмо следующим примечанием: «Напечатав данные письма, мы прекращаем дальнейшую переписку по этому вопросу».

Публикуя в «Полярной звезде на 1856 год» отрывок из первой части «Былого и дум», Герцен указал в подстрочном примечании: «В октябре месяце нынешнего года Герст и Блекет издали английский перевод моих записок. Успех был полнейший, не только все свободно мыслящие журналы и ревью поместили большие отрывки с самыми лестными отзывами (с особенной благодарностью вспоминаю я о статьях „The Athenæum“, „The Critic“ и „Weekly Times“, но даже тайнобрачный орган пальмерстоновского и бонапартовского союза „Morning Post“ разобрал меня и советовал закрыть русскую типографию, если я хочу пользоваться уважением (кого? — их? — Нисколько не хочу)» (стр. 43—44).

13 октября 1856 г. в парижской газете «La Presse», издававшейся Эмилем Жирарденом, появилась статья известного в свое время литературного критика Огюста Неффера по поводу вышедшего незадолго до того в свет третьего тома гамбургского издания «Былого и дум».

«Мы получили новый том этих интересных мемуаров,— писал рецензент,— и если бы вопрос касался только литературной критики, мы должны были бы начать с того, что поссорились бы с автором за несколько странный порядок, царящий в его сочинении. После того как он описал нам свою юность, он возвращается к годам детства, следуя манере эпических поэтов, которые, начав свой рассказ с определенного момента, описывают затем предшествовавшие события. Но литературная точка зрения играет здесь второстепенную роль, и критика значит в данном случае гораздо менее, чем анализ и перевод. Итак, мы предоставим г. Герцену право перемешивать, как ему будет угодно, последовательность событий, и, если события интересны, нам нечего более от него требовать».

Автор рецензии подробнейшим образом излагает содержание «Былого и дум», отмечая, что «у г. Герцена встречаются потрясающие страницы о крепостных, и книга его является красноречивым ходатайством в пользу освобождения крестьян, которое не может уже долго заставлять себя ждать. Он любит крестьян, он извиняет и объясняет их недостатки...».

В предисловии к XIX главе «Былого и дум», напечатанной в III книжке «Полярной звезды на 1857 г.», Герцен следующим образом отозвался об этой статье Неффцера:

«Один парижский рецензент, разбирая, впрочем, очень благосклонно („La Presse“, 13 oct. 1856), третий томик немецкого перевода моих „Записок“, изданных Гофманом и Кампе в Гамбурге, в котором я рассказываю о моем детстве, прибавляет шутя, что я повествую свою жизнь, как эпическую поэму: начал *in medias res** и потом возвратился к детству.

Это эпическое кокетство — совершенная случайность, и если кто-нибудь виноват в нем, то совсем не я, а скорее мои рецензенты, и в том числе сам критик „Прессы“. Если б они отрывки из моих записок приняли строже, холоднее и, что еще хуже, пропустили бы их без всякого внимания, я долго не решился бы печатать и еще долго обдумывал бы, в каком порядке печатать» (VIII, 427—428).

В своей статье «Клевета», датированной 19 ноября 1858 г. и приложенной в виде отдельного листка (на русском и английском языках) к «Колоколу», Герцен писал:

«16 ноября я получил в конверте, опущенном в почтовый ящик в Вене, вырезку из газеты, содержащую письмо графа Гуровского к издателю „New-York Evening Post“ от 19 октября. Под этой вырезкой написана карандашом следующая фраза: „Мне прислали для вас. К о л а ч е к. Гумпендорф, Гауптенштрассе, 368“.

В этой вырезке находится следующее место: „Но эти крикливые филантропы, вроде Герцена и даже <Н.> Тургенева, обнаруживают свою истинную сущность, продавая своих ~~рабов~~, которых они могли бы в отдельности освободить, а теперь они проповедуют за границей освобождение, живя в то же время на деньги, вырученные от продажи“—IX, 428).

Эта вырезка с печатным текстом статьи «Царь и его план освобождения» и включенным в нее письмом Гуровского к издателям «The New-York Evening Post» и карандашной припиской Колачека сохранилась среди бумаг Герцена.

В упомянутой статье «Клевета» Герцен опроверг злобные измышления польско-американского публициста, ренегата гр. А. Гуровского, и заявил, что ни разу в жизни не продал и не заложил ни одного крепостного крестьянина. Гуровский, пытаясь оправдаться перед Герценом, написал ему объяснительное письмо, на которое Герцен, повидимому, не считал нужным ответить (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 742).

Выход в свет французского издания первых томов «Былого и дум» под названием «Le monde russe et la révolution» («Русский мир и революция»), в переводе Делаво, вызвал ряд статей во французской печати. Либеральный критик Анри Мартэн напечатал в «Le Siècle» целых три статьи об этом сочинении Герцена. Среди вырезок сохранилась лишь вторая статья из этого цикла (№ 9874 от 5 мая 1862 г.— Краткое изложение всех трех статей см. XV, 79—81).

«Мы говорили в своей первой статье,— писал Анри Мартэн,— об общем впечатлении от мемуаров Герцена, в части, касающейся русского правительства; теперь следовало бы сказать что-нибудь о жизни и идеях автора; его роль в настоящее время достаточно значительна, чтобы близкое знакомство с его личностью представляло определенный интерес. Подробно

* с середины (лат.).

описывая юность Герцена и характеризуя его друзей, рецензент говорит:

«Эти молодые люди воспитывались, устремив взор на Францию; до 1830 г. наш либерализм являлся для них путеводной звездой; начиная же с катастрофы польского восстания, он перестал быть ею. Те, кто заставил либерализм уклониться от направления, коему следовали Лафайет и Бенжамен Констан, сошли с широкого и благородного пути, на который нас призывали стремления молодой Европы; те, кто заключил Францию в тесную и леденящую золотую середину, взяли на себя тяжкую ответственность перед историей; они истощили эту плодородную мать, свободу; они подготовили ее медленное удушение и обратили революционный дух к утопиям.

Именно в этот час разочарований до слуха наших русских студентов докатились отзвуки сен-симонизма. Влияние, подчинившее себе у нас на мгновение столько юных и благородных умов, могло только возрасти на расстоянии: впечатление от него никогда не стиралось у г. Герцена, иллюзии, им порожденные, частично сохранились, и с удивлением видишь, что порой у него еще появляются формулы, у нас забытые, — о *старом мире* и *новом мире*. Он еще не заметил, что этот *новый мир* уже гораздо *старее*, чем тот, который он называет древним, что естественные религии так же *стары*, как спиритуализм, и что государство, владеющее собственностью и являющееся единственным распределителем, еще *старей*, чем гражданский кодекс.

Не должно однако заблуждаться! Хотя его воображение было соблазнено некоторыми сторонами этих учений, стремившихся растворить национальности, он всегда остается патриотом. Мы любим его потому, что он любит Россию:

Хочу, чтоб русский русским был,
Француз — чтоб был французом.

Герцен вполне мог быть сен-симонистом, но он не космополит — и это главное. Как предсказал ему его учитель, старый француз-якобинец, его *добрые чувства спасли его*. Он навсегда остался патриотом (...). Будь Герцен французом, он не шел бы, как его собратья — парижские сен-симонисты, гимнов Всеобщему Миру, в то время, когда душили Польшу».

Характеризуя страницы, посвященные владимирской ссылке и личной жизни Герцена, истории его женитьбы и т. п., рецензент пишет: «Эти трогательные и сдержанные страницы являются образцом слишком часто забываемой в наши дни тонкости и того достоинства, с которым допускается приоткрывать для публики святилище своих личных переживаний».

4 января 1858 г. в ежедневной, весьма влиятельной английской либеральной газете «Manchester Guardian» появилась статья, автор которой писал:

«...Судя по всему, недавнее открытие, что свободная пресса существует на практике, хотя и неизвестна теоретически в России, вызвало в С.-Петербурге „неописуемую сенсацию“. В тисках строжайшей цензуры, подкрепленной суровейшим кодексом, и вопреки военным, полицейским и таможенным чиновникам, журналы и книги на русском языке тайно провозятся через границу империи, широко распространяются и читаются с живейшим интересом. Некоторые из этих сочинений обладают явно выраженным политическим характером, и все они имеют целью возбуждать мысль. Кое в каких сочинениях трактуются общественные и нравственные вопросы. Все они „неприятны многим из тех, кто занимает высокие посты“, ибо эти лица склонны рассматривать подобные теории как нечто способное нарушить господствующий порядок вещей в образцовой империи царя.

Мы в состоянии тут же открыть читателям одну тайну. Все эти сочинения издаются в Лондоне. Типография находится неподалеку от Brunswick Square, а издательство — в правосторонней части города, Paternoster Row. Мы можем описать и то и другое оракульским тоном очевидца из столицы: „Эта русская типография впервые основана в Лондоне в 1851 (!) г. *Искандером (Александром Герценом, знаменитым автором „Моей ссылки“, „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“ и многих других сочинений)*. В начале своей деятельности он встретился со значительными препятствиями — трудно было раздобыть русский шрифт, найти наборщиков, знающих русский язык, и, самое главное, — трудно было обеспечить доставку своих изданий в Российскую империю; все эти многочисленные затруднения в его деятельности могли быть побеждены только вследствие огромной энергии, ловкости и упорства“. Господа Трюбнеры — хорошо известная фирма — являются издателями г-на Герцена, и эти джентльмены, насколько можно судить, заинтересованы в этом предприятии не только в коммерческом отношении. Говорят, что „к прочим трудностям, с которыми им пришлось встретиться в своей деятельности, надо прибавить опасность предательства со стороны их employés*. Совсем недавно господа Трюбнеры вынуждены были уволить со службы человека, который, как выяснилось, находился в непосредственной переписке с русским правительством. Если к этому добавить, что большинство корреспондентов „Голосов из России“ проживает сейчас в Российской империи, необходимость бдительности в отношении предателей и шпионов совершенно очевидна“. Успех этой пропаганды, если верить одной авторитетной особе, отнюдь не являющейся доброжелателем (разве что очень тайным), — несомненен. В письме из Петербурга, появившемся в русско-прусской печати, говорится, что в прошлом году одно или два из сочинений Герцена — он думает, что только одно или два! — проникло в Россию. К этому еще добавлено: „О них мало говорят, ибо никто не хочет признаться в том, что он читал эти брошюры, и они имели хождение только частным образом, из рук в руки, и среди людей, имевших самое полное доверие друг к другу. За последнее время распространение этих брошюр значительно возросло. Почти никто из многих тысяч путешественников, возвращающихся на родину из Германии, не приезжает без экземпляра того или иного зажигательного издания“. В другом месте тот же автор утверждает, что эта тайная литература оказывает могущественное влияние на мнения образованных москвитян. Лучшим доказательством того, что эта англо-русская издательская система отвечает первоначальным видам Герцена, — является тот факт, что она окупается. Из простой пропаганды она сделалась многообещающим коммерческим предприятием, и это, как мы имеем все основания думать, намного превышает самые пылкие мечты *Искандера*, которые он питал несколько лет тому назад. „В течение ряда лет успех изданий был невелик, и расходы на них сильно опустошали кошельки патриотического основателя. Со дня смерти Николая и особенно после падения Севастополя сбыт их достиг огромных размеров; теперь они не только окупаются, но издатель получает приличный доход от продажи своей продукции“. Другой отрывок из высказывания нашего столичного оракула доказывает, что деятельность русского изгнанника столь же регулярна, как и обширна <...>

Мы можем открыть еще кое-что, касающееся этой необыкновенной системы цензурных изданий и литературной контрабанды. Надобно сказать, что друзья царя в Пруссии попытались было воспользоваться той небольшой властью, которая была у них в руках, для истребления лондонской пропаганды. „Вскоре после появления этого письма в „Kreuz-

* служащих (франц.).

ГРАНКА «КОЛОКОЛ'А» № 13 ОТ 15
ОКТАБРЯ 1868 Г. С ПРАВКОЙ
РУКОЙ ГЕРЦЕНА

Гранка содержит речь Г. Н. Вырубова
на конгрессе «Лиги мира и свободы»
в Берне

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

*Был
визит
к
M. Barnin
par
M. Weyroff
le
10
sept.
1868.*

*Weyroff an
un
autre
de
M. Barnin
le
10
sept.
1868.*

M. Weyroff J'ai hésité un instant à monter à cette tribune après M. Barni; mais ce n'est pas en mon nom personnel que j'y viens, c'est au nom d'une fraction notable de cette assemblée qui présente l'amendement dont je vais donner lecture. Le voici :

« Considérant que la séparation de l'Eglise et de l'Etat est insuffisante pour résoudre le problème religieux et détruire l'influence de la religion sur les peuples ;

« Considérant que toute religion est une entrave au développement de l'intelligence humaine, et que tant que cette intelligence ne sera pas développée, les peuples serviront d'instruments à l'ambition et à la cupidité des classes gouvernantes ou privilégiées qui les poussent à la guerre :

« Le Congrès met à l'ordre du jour l'étude des moyens pratiques pour délivrer les peuples des doctrines religieuses. »

Messieurs, nous n'avons pas la prétention de croire que cet amendement sera adopté par le Congrès, mais dans le débat qui va s'engager, nous, libres-penseurs, athées, matérialistes, positivistes, nous devons formuler carrément notre manière de voir.

Avant d'aborder le développement de cette motion, je vous demanderai deux choses que vous ne me refuserez pas, je l'espère : une grande indulgence et une liberté entière d'opinion, parce que, sans cette liberté, on ne peut aborder d'une manière sérieuse les graves questions de la philosophie et de la politique. Nous sommes ici pour poser des questions; nous ne pouvons chercher des moyens pratiques de la faire triompher.

Pour moi, et pour ceux qui ont signé l'amendement, la question religieuse est la première des trois questions qui constituent l'ordre social. Nous croyons que tant que cette question ne sera point résolue, que tant que l'intelligence humaine ne sera point émancipée, aucune réforme politique ou sociale ne pourra être stable.

Je regrette beaucoup que le Comité ait proposé sous une forme très-insuffisante le grand problème religieux. Il faut avoir le courage de ses opinions; il ne faut pas toujours reculer épouvanté devant la conséquence possible de l'œuvre destructive que nous poursuivons.

Zeitung“ прусским правительством было выпущено распоряжение, запрещающее продажу и ввоз в Пруссию всех произведений, выпускаемых искандеровским станком“. Однако это слабое покушение берлинских лакеев царя ничуть ему не помогло. Оно скорее оказалось на-руку литератору-изгнаннику. Говорят, что „как только был опубликован этот указ, продажа изданий Герцена на территории, подчиненной блистательной власти дома Гогенцоллернов, увеличилась ровно вдвое“. Какие выводы можно сделать из этого факта относительно мудрости обеих монархий — русской и прусской? Огромный аппарат королевства империи не может справиться со свободной печатью! Одинокий изгнанник в Лондоне взывает к тайным симпатиям образованных людей и оказывается сильнее своих многочисленных августейших противников.

Справедливо утверждение, что „мир должен знать своих героев“, и у читателя, вероятно, возникнет вполне естественное желание узнать что-либо о человеке, с таким успехом нападающем на политику империи, перед которой трепещут западные народы. Г-н Герцен — недюжинный человек. Его прусский критик воздает невольную дань этому автору. „Искандер, — говорит он, — это русский, пишет он на русском языке и, по правде говоря, на очень хорошем русском языке, и заявляет на каждой странице, что он страстно любит Россию и русский народ, желает благоденствия России и нападает только на тех, кто принадлежит к высшему кругу“. Более дружественно настроенный лондонский критик, который

не в состоянии оценить стилистические достоинства славянских сочинений, добавляет, что, прочитав некоторые из произведений Герцена по-французски, он смеет утверждать, что „на этом языке, во всяком случае, его произведения выразительны и полны страсти“. Автор „Моей ссылки“ приобрел, кроме того, почетное место на английском литературном поприще. Наиболее уважаемые критические органы, которые нельзя обвинить в сочувствии к демократической политике, принесли щедрую дань талантности произведения, изданного на нашем языке. Появлению в свет „Моей ссылки“ способствовали самые благородные акушеры, и взыскательные обозреватели отметили, что иностранец блещет здоровьем и жизнеспособностью не меньше, чем кто-либо из его сотоварищей. Премники Кольберна⁵, разумеется, не относят это произведение к числу своих неудач.

Что же касается нас лично, то, отмечая, между прочим, что чрезвычайный успех его смелого предприятия доказывает, насколько невозможно подавить развивающуюся мысль любого народа, мы позволяем себе прибавить нашу скромную лепту уважения к целеустремленности и добродетельной отваге состоятельного литератора-изгнанника. Политические доктрины Герцена, пожалуй, слишком радикальны, чтобы вызывать в нас безоговорочное восхищение, но это вопрос, не имеющий отношения к делу.

Le rouge*, который окрашивает его чувства, слегка оскорбляет нашу политическую эстетику; но такую простодушную убежденность, веру в абстрактные принципы и такой восторженный патриотизм, какие присущи его характеру, редко приходится встречать. Великая задача, которой этот богатый и выдающийся человек с самого начала решил посвятить свое время и на которую он тратит свое состояние, — открыть доступ свободной дискуссии в самодержавном государстве, — это такая задача, которой каждый англичанин должен сочувствовать; и то обстоятельство, что успех, которого он достиг, преследуя свою „летучую цель“⁶, превзошел его ожидания, никак не должно уменьшить наше уважение к его характеру; мы надеемся, однако, что приведенные выше подробности не повредят его дальнейшей деятельности; мы надеемся, что он будет продолжать печатать и продавать свои периодические издания, романы, памфлеты и очерки пока цензура вместе с крепостным правом не падут жертвой просветительных устремлений века.

Эта вырезка была прислана Герцену, повидимому, редакцией «Manchester Guardian». Другой экземпляр ее он получил от М. Мейзенбург (IX, 112—113). Статья лондонской газеты «Daily News», цитируемой в «Manchester Guardian», была написана, как указал сам Герцен, Ливерсоном (IX, 112).

В журнале «The Economist» за 1858 г. (стр. 1433—1434) напечатана сохранившаяся среди вырезок рецензия на брошюру Герцена «La France ou l'Angleterre?» («Франция или Англия?»). Давая подробный анализ политического положения России и ее отношений с Францией и Англией, рецензент пишет:

«Эта брошюра интересна тем, что в ней излагается точка зрения образованного русского на этот вопрос; автор ее, который с недавнего времени пользуется гостеприимством и правом убежища в нашей стране, имел смелость в самую мрачную для его родины пору питать надежды, что заря светлого будущего забрезжит над его страной».

7 января 1859 г. в «The Times» появилась огромная статья по поводу «Записок» Екатерины II, впервые изданных Герценом с его же предисловием. Подробнейшим образом цитируя «Записки» и отмечая, что факты,

* красный цвет (франц.).

разоблачаемые ими, приносят мало чести дому Романовых и что сохранение их в секрете являлось для царя государственной необходимостью, рецензент, не без недоброжелательности заявляет: «Г-н Герцен, изгнанный из России и враг царского двора, от этих записок в восторге. Мы так и чувствуем, как он радостно потирает руки на каждой странице своего предисловия. Он завладел сокровищем, на редкость скандальным, — таким, какое не часто попадаетея на глаза охотнику».

Далее рецензент подробно излагает и цитирует опубликованные Герценом мемуары русской императрицы.

В статье «Александр Герцен», помещенной во втором январском номере немецкого журнала «Jahrzeiten» за 1859 г., рецензент, подписавшийся инициалом Н., возмущенно порицал какую-то австрийскую газету, усомнившуюся в подлинности записок Екатерины II по той причине, что они изданы «пресловутым Герценом». «Газеты позволяют себе говорить об Александре Герцене таким тоном уже много лет <...>, — замечает автор статьи, — между тем как в самой России этот тон по отношению к Герцену совершенно изменился <...> Личность Александра Герцена, благородство его побуждений до сих пор не могли быть опорочены даже злейшими его врагами. О нем известно лишь то, что он издавна защищал свои убеждения без всяких колебаний и пострадал за это. Он был заключен в тюрьму и дважды сослан. Половина его имущества была конфискована; только наследство матери было для него спасено <...> Этот остаток своего имущества он употребил на либеральную литературную пропаганду в своем отечестве, для чего устроил в Лондоне русскую типографию и печатал книги, брошюры и журналы с требованием реформ. Эта деятельность, находившаяся под строжайшим наблюдением русской полиции, могла довести его до полной нищеты, но патриотизм Герцена был этим столь же мало поколеблен, как и клеветой, распространявшейся на его счет русской аристократией и бюрократическими кругами и нашедшей столь благоприятную почву в немецких газетах.

Теперь эта клевета замолкла. Те же русские, которые при Николае, в начале деятельности Герцена, пожимали плечами и чувствовали себя несчастными от того, что не могут изобразить его нищим, бродягой, спекулянтом, честолюбцем или продажным человеком, теперь говорят о нем с уважением, ибо либерализм в России стал в известной мере модой. Двор прислушивается к Герцену; в результате его обвинений смещались министры и губернаторы; лихоимцы трепещут перед ним; ему предана вся молодежь, и если в России вырастает лучшее, патриотическое. в хорошем смысле слова, поколение, то этим оно должно быть обязано Герцену. Каждый номер его газеты нетерпеливо ожидается и ценится на вес золота; появление каждой его брошюры становится событием. Издания Герцена можно найти на столе и в спальне царя, царицы, великих князей, министров, так же как у степных помещиков и в кавказской армии. Никогда публицист не оказывал такого глубокого и такого обширного воздействия на свою нацию, как Александр Герцен. Юниус, П.-Л. Курье Берне не могут в этом отношении сравниться с ними. К нему обращаются со всеми жалобами и просьбами, как к последней инстанции, и его суждения принимаются с уважением, как приговор судьи. Так занял он место, с которого обличает старый русский мир — мир кнута, произвола, подкупа, привилегий и крепостничества.

Такое высокое положение среди великой нации достигается не только при помощи сильного диалектического ума, отточенного стиля, большого литературного таланта; для этого требуется еще кое-что — и прежде всего сознательная честность, безупречный, большой характер, который в состоянии внушить всему народу непоколебимое доверие к своему слову и к своим намерениям. Все это в высшей степени присуще

Александру Герцену. Те, кто имел счастье жить вблизи него, знают это; они знают также и его громадную умственную одаренность, и его высокое бескорыстие, и его готовность к самопожертвованию, и его сердечность, которая скорей сто раз позволит злоупотребить ею, чем хоть раз поступит неподобающим образом.

И такого человека жалкие penny-a-liner* решаются называть „пресловутым“ и вообще говорить о нем в недостойном тоне; их ничему не научила история, доказывающая на каждой своей странице, что люди, подвергавшиеся подозрениям и клевете, остаются, овеянные славой, на своих пьедесталах, между тем как клеветникам и зубоскалам уготовано одно лишь счастье — быть забытыми. Чтобы заставить их замолчать, достаточно было бы, по всей вероятности, привлечь их внимание к тому, что те лица, которые передали им le mot-d'ordre**, теперь, следуя примеру своего царя, говорят об Александре Герцене только с уважением, как о человеке, с которым Россия может себя поздравить, которым она может гордиться.

Лишь этого хотел достигнуть автор печатаемых строк. Он полагал, что имеет право на это, так как соприкасается с различными русскими кругами и знает их. Почему немецкой журналистике должна принадлежать печальная привилегия клеветать на человека, обладающего такими заслугами, в то время как на его родине да и повсюду, где известны русские дела и характер Герцена, он пользуется должным уважением и признанием?».

Значительный интерес представляют наклеенные Герценом на один лист бумаги и противопоставленные друг другу две вырезки, относящиеся к лету 1859 г. Первая из них представляет собой лондонскую корреспонденцию из «Allgemeine Zeitung» («седая баварская куртизанка на содержании у австрийского правительства», — так называл Герцен эту газету — XI, 89), в которой Герцену, наряду с Кулапкой, Кошутом и Пульским, предьявлялось обвинение в том, что он является тайным агентом Наполеона III и петербургского самодержавия.

Под этой вырезкой рукой Герцена написано:

«„Al(lgemeine) Z(eitung)“
 <№> 165, 14 Julius
 Und als pendant — »***

Далее подклеена вторая вырезка из английской газеты:

«Нам передавали из России, что несколько недель тому назад петербургский митрополит на собрании святейшего синода Российской империи внес предложение об отлучении от церкви Александра Герцена, широко известного изгнанника, живущего теперь в Лондоне. Все епископы, за исключением московского митрополита, одобрили это предложение, направленное против талантливого человека, отважного основателя революционного движения в области политической литературы в России, однако император отказался утвердить это решение глав церкви и упрекнул церковных сановников в таких выражениях, которые никоим образом не содействовали укреплению достоинства их сана».

Под этим рукой Герцена снова написано: «„D(aily Telegraph)“, 21 Juli. Schicken Sie zurück»****.

* борзописцы (англ.).

** пароль (франц.).

*** и подстать этому (нем. и франц.).

**** Пришлите обратно (нем.).

«Посылаю тебе из „Daily Telegraph“ статью о том, как Алекс<андр> II не велел меня проклинать, — писал Герцен сыну 22 июля 1859 г. — Это до того смешно, что, показавши своим, ты отошли Фогту» (X, 45; ср. там же, 46).

Террористические действия русского правительства в Варшаве весной 1861 г. широко комментировались международной печатью. Среди вырезок Герцена сохранилась корреспонденция из Варшавы от 17 апреля 1861 г., напечатанная в парижской газете «Journal des Débats». На полях, по видимому Герценом, отчеркнут следующий абзац:

«Менее заметна, но еще более важна, быть может, чем административная дезорганизация — дезорганизация военная — она особенно проявляется среди офицеров в русской армии. Они колеблются, прежде чем выполнить отдаваемые им приказы, они краснеют, выполнив их. Генерал маркиз Паулуччи держится в стороне, и вы не забыли имени генерал-губернатора Панютина, прогуливавшегося 8 апреля с непокрытой головой и скрещенными руками посреди обстреливаемой картечью толпы, которая аплодировала ему, видя, что он таким образом протестует против избиения. Смута в армию внесена, главным образом, русской газетой „Колокол“, издаваемой в Лондоне г. Герценом. Ее влияние было столь велико, что для того, чтоб помешать выходу в отставку офицеров, правительство принуждено было восстановить по отношению к ним угрозы, прежде направлявшиеся против чиновников, — выслать в Сибирь всех подавших в отставку. В Европе не понимают достаточно отчетливо того значения, какое имеет в России этот маленький листок, который распространяется здесь в тысячах экземпляров, хотя и тайным образом. Признательность к г. Герцену огромна. Вы знаете, что он является членом революционного комитета в Лондоне, и большое значение имеет то, что именно оттуда приходит к нам первое очевидное и действенное вмешательство из-за границы».

2 октября 1861 г. Герцен напечатал в «Колоколе» и нескольких английских газетах открытое письмо к русскому послу в Лондоне барону Бруннову — «Брутты и Кассии III Отделения», в котором разоблачал намерение русского правительства убить или увезти его (XI, 248—249). Заявление Герцена вызвало сенсацию в иностранной печати. 16 октября 1861 г. в парижской либеральной политической газете «L'Opinion Nationale» появилась заметка, автор которой заявлял, что «видел вчера собственными глазами письмо, в коем сообщается из вполне заслуживающего доверия источника, что уже назначена цена за голову знаменитого редактора „Колокола“ Герцена». Обращаясь с вопросом к полуофициозной газете «Le Nord», не слышно ли чего-либо «об очередном приступе усердия русской полиции», автор заметки заключал: «Нам хотелось бы думать, что это нужно отнести за счет излишнего рвения второразрядных агентов» (см. настоящий том, стр. 668—670). «The Morning Post» 26 октября 1861 г. откликнулся на письмо Герцена к барону Бруннову ядовитой статейкой (без названия), в которой нагло высмеивалось заявление Герцена. Преисполненная симпатии к царю и русской правительственной клике, газета, однако, вынуждена была заметить, что «Герцен—человек незаурядный. Те, кто знает, какую роль играл Кошут в Венгрии или какую Маццини играл в Италии, вероятно с удивлением впервые услышат, что литературное и политическое влияние, оказывавшееся сочинениями Герцена на широкие круги русского народа, без всякого преувеличения, может быть сравнено с их влиянием. Он пользуется большой властью в России, благодаря своей газете „Колокол“. В Англии он лучше всего известен изданными им секретными записками Екатерины II, которые вызвали в литературном мире огромный интерес два года тому назад, — а также описанием своей собственной жизни, — одним из наиболее

поучительных и будоражащих мысль сочинений, которые когда-либо посвящались общественной жизни России».

В № 12 киевского полуофициозного журнала «Вестник Юго-Западной и Западной России» за 1862 г. был помещен грязный пасквиль И. К—ого — «Александр Герцен, он же Искандер» (почти полностью перепечатан Лемке — XV, 459—461). По нашему предположению, автором этой статьи был И. И. Кулжинский, сотрудник изданий М. П. Погодина, в прошлом — профессор Нежинской гимназии высших наук, во время обучения там Гоголя.

Посещение прославленным итальянским национальным героем Гарибальди дома Герцена 17 апреля 1864 г. вызвало к себе огромное внимание в Англии и за ее пределами. В «The Daily News» появилась заметка; перепечатанная многими иностранными газетами; она сохранилась в архиве Герцена в нескольких экземплярах:

«ГЕНЕРАЛ ГАРИБАЛЬДИ У ГОСПОДИНА ГЕРЦЕНА

В прошлое воскресенье генерал Гарибальди, в сопровождении своего секретаря, синьора Герцони, присутствовал на завтраке у известного русского изгнанника, господина Александра Герцена, в Теддингтоне. Избранное общество, состоявшее из английских и иностранных друзей, собралось для встречи с ним, — среди них были синьор Саффи, князь Долгоруков, синьор Мордини, член итальянского парламента, и т. д. По обыкновению, собрались толпы народу, чтобы приветствовать генерала, которого сопровождали восторженные клики (при приезде и отъезде). Г-н Герцен, его друг и соиздатель русской демократической газеты „Колокол“, г. Н. Огарев, а также г-жа Огарева встретили генерала у садовой калитки и повели его в дом; однако приветствия снаружи были так неистовы, что Гарибальди вынужден был возвратиться на минутку в сад, где он приветливо помахал рукой в ответ на аплодисменты толпы. Едва он вошел снова в дом, как подъехала другая карета, и господина Герцен и Огарев приветствовали с теми же почестями своего старого и уважаемого друга Джузеппе Маццини. В доме был сервирован великолепный завтрак, в конце которого встал Маццини и предложил в следующих выражениях тост за здоровье Гарибальди: „Мой тост соединит в себе все самое дорогое для нас, все то, за что мы боролись и к чему стремились. Я пью за союз народов; за того человека, который является живым воплощением этих великих идей, за Джузеппе Гарибальди; за несчастную, святую, героическую Польшу, сыновья которой в молчании дерутся более года и умирают за свободу; за юную Россию, жаждущую земли и воли — за юную Россию, которая в скором времени подаст Польше братскую руку, признает ее равенство и независимость и изгладит из памяти воспоминание о России царской; за тех русских, которые, во главе с нашим другом Герценом, приложили столько усилий и труда для создания этой новой России; за ту религию долга, которая дает нам силы для борьбы и готовность даже ценой жизни бороться за воплощение этих идей“. Этот тост был восторженно принят присутствующими. Затем встал Гарибальди и сказал: „То, что я сейчас скажу, я должен был сказать уже давно. Между нами здесь человек, оказавший величайшие услуги нашей родине и делу свободы. Когда я был еще юношей и имел неопределенные стремления к добру, я искал человека, который мог бы быть путеводителем и советником моей юности. Я искал его так, как жаждущий ищет источник. Я нашел такого человека. Он один бодрствовал, когда все кругом спало; он один поддерживал священный пламя. Он всегда оставался моим другом; никогда не ослабевала любовь его к своей родине, преданность делу свободы. Этот человек — Джузеппе Маццини. За моего друга

Въдомости.

№ 73

таеть себя реформаторомъ, и даже великимъ реформаторомъ. Отрывается отъ этого г. Герценъ, иродство, не захочетъ да это ему было бы и неудобно, потому что каждому изъ насъ известно, какою большою цѣну и значеніе придаютъ Герценю въ Россіи, въ смыслъ слова, который онъ распространялъ посредствомъ своего бѣднаго типографскаго станка. Мы даже вовсе не хотимъ много и упреждать г. Герцена за его занесенность и гордыню, — въ томъ гораздо болѣе повинны обстоятельства, съ которыми самъ г. Герценъ. Г. Герценъ, желая съ способностями довольно быстрыми и блестящими, но до крайности односторонними и не глубокими, не могъ не являть въ ту истинную себя, которая она, въ видномъ, соразмѣрна до старости лѣтъ. Рожденный въ эпоху востанія французовъ въ Россіи, г. Герценъ сохранилъ для вѣрованія въ ту пору, когда слово въ Россіи было сказано, и за какие имѣлъ заветные стѣны, или за шаловливую истинку людей посылали въ ссылку, какъ за государственныя или криминальныя преступленія. Разъ г. Герценъ, подумавъ съ товарищами на какой-то виртуозскій, силъ весьма глупую истинку, въ высказаніи ипечатаніи изъ въ одной изъ книгъ его *Политическія Записки*. За это лѣтъ г. Герценъ въ чинахъ прочихъ волею на службу, а потомъ посланъ въ Вятку, гдѣ онъ служилъ у мѣстнаго губернатора, былъ членомъ губернскаго общества, нечестъ въ огромномъ саду своей квартиры о своихъ брашнахъ величій и не безъ труда улаживалъ за дачами, а потомъ называлъ всю эту эпоху своей жизни эпохою «Торжества и смелости», и поставилъ въ Лондонъ печатный русский станокъ, сочинилъ обо всемъ этомъ іереміаду, который прообразилъ контрабандными лугами въ Россіи, и милая чашка своей удачи. Г. Герценъ, сочиняя и выставляя въ свѣтъ «Торжества и смелости», жила, конечно, въ виду увѣковѣчить историю страданій, претербанныхъ имъ въ отечествѣ, и прислужить къ правительству, которое такъ серьезно посматривало съ ними за его школьную шалость. Но счастію для г. Герцена, ему и въ томъ, и въ другомъ случаѣ была полна удача: общество въ немъ раздѣлалось и обильно получило готовность говорить о правительствѣ со стороны весьма известной. Обстоятельства благоприятствовали г. Герцену невоинно: ценсурный гнетъ не только давалъ, но просто уничтожалъ всякую, сколько ни будь независимую, мысль въ Россіи, читая

его вещи: «*Апо кивовитъ*», «*Сорока-ворона*», «*Вѣдунъ Доктора Куврина*», «*Писемныя Вѣдуну*», «*Пророкъ*», «*Виденныя изъ земли*», «*Бодъ тѣжестю ценсурнаго давленія*»; на свободѣ онъ не написалъ ни одной строки, которую ждало бы какое нибудь догловѣчье, крокъ тѣхъ впречемъ строкъ, которыми г. Герценъ осмѣлился провалиться на догловѣчье. Его «*Виденныя и Дѣянныя*» есть манушное, что имъ написано на свободѣ, — но и оно относительно имже всѣхъ работъ, сдѣланныхъ въ отечествѣ, — въ остальномъ же, гдѣ надъ всѣмъ преобладаетъ мнѣ да, за фигура жокъ, Герценъ просто жалокъ и скученъ.

Г. Герценъ о себѣ, кажется, не устанетъ говорить вѣчно, что заимствовали у него и старости изъ его учениковъ, напримеръ, у Кельслова.

Недостатокъ чувства итры такъ великъ въ г. Герценѣ, что дѣлаетъ этого человѣка неспособнымъ ни къ какой серьезной деятельности. Его всегда, въ каждую рѣшительную минуту, занимаетъ его собственная плутира, и бросая свои чернильные перуны царямъ и народамъ, онъ, кажется, сажь какъ Нарцызъ, смотритъ въ свою чернильную чашку. Чуть онъ увидитъ себя, ему сейчасъ хочется немножко припомнить себя помне, и у него поблудтъ самія свѣтлыя и наилучія превеличія. Точно также, какъ въ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ сѣвѣжнѣ домъ одной изъ московскихъ чашекъ и изъ благополучнаго служенія у вѣдунскаго губернатора, сумѣлъ сдѣлать *тѣраму и смелку*, онъ на первыхъ же порахъ, какъ только очутился за границею Россіи, сдѣлалъ изъ этого побѣга цѣлую историю. Г. Герценъ ушелъ изъ Россіи *такъ-себѣ, по благоволѣнію*, по неспособности тянуть доволнаго тягу, какъ таковыя онъ другіе, не житее его честные, не меньше его умные и ужь, конечно, гораздо болѣе его серьезные, люди: онъ ушелъ, какъ говорится, «ни за что, ни про что», и даже самъ, при всей своей склонности ставить себя на ходули, ни разу не могъ толково объяснить причины и цѣли своей комической эмиграціи.

Но что конечно теперь, то, при ярмѣ, стѣснявшемъ Россію въ то время, таковыя не казались, — по крайней мѣрѣ, оно не казалось такимъ весьма многимъ. Г. Герценъ возмѣстивъ печатнымъ образомъ о своемъ *разрѣши съ Россією*, и стѣсняюща въ своей свободѣ Россіи, въ вѣсто того, чтобы захотѣть въ глаза этому новому Курбскому, удостоенна его окрикъ на отечество внизаніемъ. Администраціи лица исполо-

гонимымъ, третьяго «преобразившимся на Оварѣ», всѣхъ не согласныхъ съ нимъ писателей называлъ, не стѣняюща, «доносчиками и шпионами», «бульдогогами», «ордындами», «жалкими лакезми», «тулыми рабамъ», «стрилцами-попами», все нашу пелать, дружно заговорившую противъ польскаго мѣтежа, обозвалъ «разбитую литературную сборную и поминочнымъ палачиномъ надъ всѣмъ остріемъ, шутямъ, иногда ласко, иногда злою, но никогда не церемонился, ни съ какими заслугами. Напротивъ, чѣмъ авторитетнее было какое нибудъ лицо, тѣмъ болѣе раздѣривался на него зубъ у г. Герцена. Онъ съ особеннымъ наслажденіемъ набрасывался на личности, пользовавшіяся въ отечествѣ доброю репутаціею и топталъ въ грязь эту репутацію съ какими-то сатанинскими остротами. Все это было необязательно, неприлично, и въ силу этого, иррационально. Въ неслыханномъ обществѣ, къ которому принадлежали чиновники, подвѣдочные вышнимымъ на позороче государственныхъ людямъ, нагана выходилъ Герценъ были встрѣчаемы съ восторгомъ. Число независимыхъ почитателей и корреспондентовъ Герцена росло. Всякій, кто хотѣлъ почитаться съ ближними такъ, чтобы этотъ ближній понималъ *такъ*, чтобы писалъ на него доску, въ «Колоколѣ», долбѣ иногда основательнѣе, а гораздо чаще клеветы, вздоръ, слезлины, но всегда живую и живую сплетню Герценъ все это собиралъ изъ всѣхъ источниковъ и не справлялся, чисты ли, грязны ли они; все это печаталъ. Эта неразборчивость, это незнаніе мѣры въ нападкахъ и погубилъ Герцена.

Серьезные люди, которыхъ, разумеется, было очень мало, смотрѣли на это съ ужасомъ. Они давно уже потеряли уваженіе къ деятельности Герцена и видѣли, что разсылаясь имъ *смуты* не поведетъ ни къ чему доброму, но они не могли этому противодѣйствовать. Вслѣдъ серьезное слово не получало ни какого мѣста, ни на нашихъ конвѣрсахъ, ни въ печати. Когда г. Герценъ только что ушелъ изъ Россіи, умныхъ русскихъ людей удивила та ребячья-торопливость, съ которою «неисправный социальность» свѣтлыхъ заявить, что онъ *назадъ не возвратится*. Этого ни кто у него не вымогалъ, но у него у самого это не держалось. Думали, что Герценъ станетъ, можетъ быть, печатать за границею сочиненія, которая освѣщали бы русскому обществу истинное его положеніе и указывая на высшіе идеалы, къ которымъ оно

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ» № 73 ОТ 1 МАРТА 1869 Г. С ПОМЕТАМИ РУКОЮ ГЕРЦЕНА

Пометы сделаны на редакционной статьѣ, содержащей резкие выпады противъ Герцена «Пражская коллѣкція»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

и наставника! — При этих словах многие из присутствовавших прослезились. Генерал снова встал и сказал: „От всего сердца присоединяюсь к словам Мадцини о несчастной Польше. Теперь выпьем за юную Россию, которая страдает, борется и, в конце концов, победит, так же как и мы, будет играть великую роль в Европе“. Свой последний бокал Гарибальди выпил за свободную Англию, за ее щедрое гостеприимство и благородное и столь ошутимое сочувствие, которые завоевали горячую любовь и благодарность всех угнетенных народов...».

Описание этого вечера в честь Гарибальди Герцен оставил в «Былом и думах» (см. XIV, 532—536).

Среди вырезок сохранились статьи о посещении Гарибальди дома Герцена — из одной неустановленной английской газеты («Morning Star?») и одной французской*.

В ноябрьской книжке французского журнала «Revue Moderne» за 1866 г. появилась большая статья Шарля дю Бузе (Bouzet), озаглавленная «Герцен» и представляющая собой обзор жизни и творчества великого русского писателя; главное место уделено в этой статье «Былому и думам»:

«За год до Февральской революции, один русский, принадлежавший к высшему московскому дворянству, покинул свою родину, почти не надеясь на возвращение. Видный уже писатель, подвергавшийся однажды тюремному заключению за свои убеждения и высланный вглубь страны, он, в конце концов, получил этот вождеденный паспорт на выезд за границу, одна лишь надежда на который заставляла сильнее биться сердце русского в царствование императора Николая. Он объездил Европу, был свидетелем революций в Париже и в Риме, и когда Франция подпала под диктатуру, он удалился в Англию, где ему предстояло приобрести влияние и завоевать известность.

В своем неприкосновенном убежище в Англии Александр Герцен <...> основал русскую типографию и создал то, что никогда нигде не существовало, — независимую русскую прессу. Россия, осужденная у себя дома на полное безмолвие, обрела, наконец, голос в Лондоне; газеты, журналы, брошюры Герцена, напечатанные на русском языке, наводнили Россию — от Сибири до Балтийского и Черного морей. Они проникали всюду, каждый стремился прочесть их, и лондонский изгнанник приобрел власть в России <...>

Это наблюдатель, полный беспощадной прозорливости, и все, что ему удалось увидеть, он описывает с энергией и сдержанностью, скрывая презрение и умеряя гнев. Медленно расшифровывая его сочинения, написанные на трудном для нас языке, или же знакомясь с ними при

* В записной книжке Огарева, хранящейся в «пражской коллекции», нами обнаружена вырезка из какой-то французской либеральной газеты от конца января 1865 г., где встречаются следующие строки: «Герцен недавно опубликовал брошюру, которую, как мне кажется, ожидает большой успех; ее название „Новая фаза русской литературы“. Г-н Катков и „Московские ведомости“ выведены в ней на чистую воду и показаны в своем истинном виде. Эта брошюра вызывает непритворный ужас, показывая нам подобных чудовищ. Автор описывает их без преувеличения, бесстрашно, но с такой отчетливой ясностью, таким правдивым тоном, что этот полутатарский мир, эта старая русская партия, эти литераторы, столь наивно и грубо жестокие, эти отцы Дюшени московского деспотизма возникают и живут буквально у нас перед глазами.

Герцен — человек редких достоинств и изумительный собеседник. Он знает свою страну и двор Александра II, как свои пять пальцев. Его последняя книга написана на французском языке с поразительной чистотой стиля, изяществом и силой. Либеральная демократия нашего города встретила воинствующего вождя русской демократии с большим одушевлением и самыми живыми изъявлениями симпатии» (ед. хр. 44, л. 101 об.).

помощи перевода, — угадываешь сильного писателя, энергичная мысль и сосредоточенная страсть которого увлекают нас и не дают возможности оторваться от книги, не дочитав ее до конца. Только русские в силах определить его место в ряду их писателей. Быть может, они скажут, что в наши дни Александр Герцен является наиболее оригинальным умом и первым писателем России.

Восторженно отзываясь о публицистической деятельности Герцена, автор статьи пишет в заключение: «Свободный голос его встречает отзыв в молчаливой России; его страстный протест против деспотизма уже заставил сильнее забиться не одно сердце. Позднее, когда Россия достигнет подлинной цивилизации, — той, которая рождается свободой, — она почитит как одного из своих первых писателей и лучших патриотов Александра Герцена, добровольного изгнанника, лондонского журналиста».

Весной 1867 г. в русской реакционной печати возобновилась клеветническая кампания против Герцена. Извлечены были давно развенчанные обвинения Герцена в организации поджогов в России (см. стр. 157—158 настоящего тома). В газете, название которой на вырезке сохранилось только частично — «*onal*» («*Opinion Nationale*»?), — появилась большая корреспонденция из Петербурга, подписанная J. Labbé и защищавшая Герцена от обвинений в организации поджогов: «Герцен обладает слишком безупречным прошлым для того, чтоб его репутация могла пострадать от последствий этой клеветы. Но каким бы низким ни было оскорбление, оно всегда мучительно для человека, любящего свою родину и принужденного видеть, как распространяют подобные гнусности». Далее рецензент подробно излагает полемику Герцена с И. С. Аксаковым. Эту же заметку перепечатала без указания источника и имени автора фрибургская газета «*Le Confédéré*», «орган швейцарской радикальной демократии» (№ 67 от 5 июня 1867 г.).

В архиве Герцена сохранилась страница газеты «*Les Etats-Unis de l'Europe*» от 12 января 1868 г. со статьей «Русская демократия» Густава Фогта. Русский перевод этой статьи почти полностью напечатан Лемке в примечаниях к статье Герцена «*Sommes-nous pour la guerre?*» («За войну ли мы?» — XX, 147—149).

В архиве Герцена хранятся две гранки из «*Kolokol*», № 13 от 15 октября 1868 г. с отрывками из речи Вырубова на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне. Рукой Герцена на первой гранке вычеркнуто имя *Вырубов* и вписано: «Загл(авие). *Discours de M. Bakounine et G. Wyruboff au Congrès de la Paix à Berne. Discours de G. Wyruboff*. (Речи М. Бакунина и Г. Вырубова на конгрессе мира. Речь Г. Вырубова.)»

Здесь Герценом обозначен знак сноски и на обороте надписано:

«*Le discours de Bakounine qu'il nous a promis — ne nous est pas parvenu encore*» («Речь Бакунина, которую он нам обещал, до нас еще не дошла»).

В феврале 1869 г. в заграничном офицозе русского правительства «*Le Nord*», выходившем в Брюсселе, была напечатана заметка о будто бы возникшем у Герцена намерении возвратиться из эмиграции в Россию (в архиве Герцена эта заметка не сохранилась). 6 марта 1869 г. в той же газете появилась следующая корреспонденция из Петербурга от 18 февраля/2 марта 1869 г., в начале которой автором или редактором был поставлен вопросительный знак, отмечавший, вероятно, недостаточную достоверность сообщаемого факта:

«...Я вам как-то сообщал о тексте письма, которое г. Герцен адресовал своему другу и сотруднику г. Огареву и в котором он признает бесполезность дальнейшего ведения пропаганды, имевшей своим органом „Колокол“ и не находящей более отзвука в России, с тех пор как русская печать, освобожденная от цензуры, выразила подлинные стремления

нации, менее всего революционные*. С тех пор в России произошло множество событий, которые должны были еще более изменить идеи бывшего несговорчивого демагога и постепенно побудить его предпринять шаги, о которых здесь говорят и которые, будто бы, имеют целью ходатайствовать перед императором о разрешении возвратиться в Россию.

В частности, говорят о том, что г. Герцен имел по этому поводу свидание с его преподобием о. Раевским, священником нашего посольства в Вене, и просил его быть ходатаем перед императором и что о. Раевский поспешил передать в С.-Петербург желание г. Герцена. Говорят еще, что этот последний испрашивал в то же время милости императора для своей семьи, так же как для своего соратника, г. Огарева, особенно настаивая на том, что в случае, если в этой милости ему будет отказано, он просит, чтобы, по крайней мере, его дети, которые не должны нести ответственность за заблуждения своего отца, могли возвратиться на родину. Мы были недавно свидетелями обращения г. Кельсиева; обращение гг. Герцена и Огарева завершает список, к счастью небольшой, русских политических эмигрантов».

Эти лживые сообщения «Le Nord» вызвали разъяснительное письмо Герцена от 16 марта 1869 г. (XXI, 325). По его просьбе, текст письма был разослан А. А. Герценом в радикальные органы печати. Попало это письмо и на страницы газеты «Le Nord», вырезка из которой также находится среди бумаг Герцена.

С провокационным сообщением о намерении Герцена возвратиться в Россию (см. стр. 431—432 настоящего тома) связана и другая вырезка, сохранившаяся в «пражской коллекции» — из № 73 «Биржевых ведомостей» от 16 марта 1869 г., в котором была напечатана направленная против Герцена редакционная статья, полная клеветы и оскорблений. 8 апреля 1869 г. Герцен писал по поводу этой статьи Огареву: «...там статья колонн в 5 ругательств à mon adresse**». Это уж за то, что я не возвращаюсь; между прочим, они говорят, что моему сыну не было препятствий ехать в Россию и что русское правительство не мстит детям за преступление отца, доказательством тому — что оно сохранило мое имя. Далее я представлен каким-то безумным диктатором и шутком. Заметь, что я ничем не вызвал со стороны „Бирж(евых) в(едомостей)“ этих статей» (XXI, 358). 16 апреля Герцен сообщил Огареву, что начал писать ответную статью «Биржевым ведомостям» (там же, 366). На описываемой вырезке имеется ряд пометок Герцена, сделанных им, несомненно, во время работы над этой статьей*** (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150).

* Имеется в виду открытое «Письмо к Огареву», опубликованное Герценом в № 14-15 «Kolokol» от 1 декабря 1868 г. (XXI, 184—187), где он объясняет причины, вынуждающие его прекратить издание газеты. Автор корреспонденции излагает это письмо в искаженном виде. — Л. Л.

** по моему адресу (франц.).

*** Перечислим пометки, сделанные Герценом на вырезке из «Биржевых ведомостей»:

Ружой Герцена надписан номер газеты: № 73.

В фразе: Весь вопрос заключается в том, чтобы свести с Герценом счеты — *подчеркнуто последнее слово. В следующей фразе подчеркнуты слова* дать знать. *Далее подчеркнуты и отчеркнуты на полях слова:* кроме тех, впрочем, строк, которыми г. Герцен оскандализировался на долгие века. *Во фразе:* Г-н Герцен ушел из России так себе, по баловству — *подчеркнуты последние четыре слова. Далее отчеркнуто на полях:* Г-н Герцен возвестил печатным образом о своем разрыве с Россиею, и стесненная в своей свободе Россия, вместо того, чтобы захохотать в глаза этому новому Курбскому, удостоила его окрик на отечество вниманием. *Затем отчеркнуто на полях:* Надворный советник Александр Герцен прямо из советников новгородского губернского правления попал в «мощные» враги русского правительства во всей его совокупности. *Далее подчеркнуто:* ненавидели г. Герцена, не уважали его — и его слушались. *Во фразе:* Он с особенным наслаждением набрасывался на личности, пользо-

* * *

Мы опубликовали и изложили содержание всех газетных и журнальных статей и заметок, сохранившихся в вырезках среди бумаг Герцена и непосредственно связанных с его именем.

Остальные материалы немногочисленны, но весьма разнообразны по характеру. Здесь и сообщение об открытии Калужского дворянского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян («Московские ведомости» от 25 января 1859 г.), и заметка о столкновении в Олькушском уезде земской стражи с вооружившимися палками крестьянками, у которых за недоимки было конфисковано имущество («Московские ведомости», дата не установлена), и заметка об отрицательном отношении пяти русских университетских советов к правительственному предложению приостановить отпуск сумм на оснащение кабинетов и лабораторий, с тем, чтобы эти средства обратить на подготовку университетских учителей гимназий по древним языкам («Голос», февраль 1865 г.), и заметка по поводу известия о преследованиях, которым подвергаются евреи в Петербурге, с публикацией письма министра внутренних дел Тимашева к русскому послу в Париже по этому вопросу («Голос» от 11 апреля 1865 г. — № 89), и заметка о кончине одесского учителя Алексеева, уволенного со службы и обреченного с семьей на голодную смерть («Голос», без даты).

Последние три вырезки наклеены на лист белой бумаги. Ручкой Герцена отмечено, что они вырезаны из «Голоса»; им же самим проставлены на полях даты. Над последней вырезкой Герценом надписано: «„Голос“ из Одессы». На обороте этого листа бумаги — вырезка из какого-то неустановленного журнала или книги — о незаконной ссылке в Сибирь крестьянина Иванова.

На другой лист бумаги Герценом наклеены еще три вырезки из неустановленных английских газет 1860-х годов. В первой, представляющей собой отчет из зала ливерпульского суда, излагается трагическая история семнадцатилетней Элизабет Биньон, подвергшейся насилию со стороны собственного отца и выгнанной из дому вместе со своим грудным ребенком. Не находя нигде пристанища, Элизабет Биньон, в припадке отчаяния, утопила в реке своего ребенка и вскоре сама созналась в этом. Как сообщает репортер, несчастная женщина, несмотря на смягчающие обстоятельства, была приговорена ливерпульским судом к смертной казни.

вавшиеся в отечестве доброю репутациею — *подчеркнуты последние четыре слова; на полях Герценом проставлен знак №. Затем отчеркнуто на полях:* Этого никто у него не вымогал, но у него у самого это не держалось. *Далее подчеркнуто и отмечено на полях слово* матреновцы. *В том же абзаце отчеркнуто на полях:* они пожелали свести счеты свои с г. Герценом, которого они за границею увидели лицом к лицу, каков он есть, а не зеркалом в гадалини. *Отмечено крестиком на полях:* Это уже новость, это опять забавная попытка договариваться с державою. Но и это все падает прахом, когда мы скажем (а это верно), что сын г. Герцена, прося русское правительство позволить ему приехать в Россию для устройства дел своего отца по его костромскому имению, счел своим долгом прибавить, что «во время своего пребывания в России он не изменит убеждения своего отца, даже не имел никакой нужды в испрашивании особого разрешения на возвращение на родину, так как, по законам нашим, сын несколько за поведение своего отца не ответствует. С него достаточно было простого заявления о желании приехать и, мы в том уверены, он не встретил бы к этому никаких препятствий. Иное дело, когда младший Герцен, просясь на родину, с такой ребяческой наглостью машет... *Далее подчеркнуто:* так обязательно сохранила в целости этому «неисправимому социалисту»...

На этой вырезке Герцен сделал следующую надпись о другом случае возмутительного жестокосердия английского буржуазного суда: *R(ight) w(orthy)* У р и а Т о м к и н приговорил бедную женщину за то, что она с детьми ночевала на улице, к 20 дням hard labour**.* Журналы подняли шум. *R. W.* ответил, что не за один этот факт он ее приговорил, а за то, что она не могла вообще показать, чем существует.

В следующей маленькой вырезке, наклеенной на этот же лист бумаги, извещалось о замене смертной казни Элизабет Биньон пожизненной каторгой***.

Третья вырезка, являющаяся перепечаткой заметки из газеты «Manchester Examiner», содержала возмутительные факты о преследованиях, которым подверглась группа обнищавших английских фермеров за то, что осмелилась в воскресный день, «предназначенный богом для отдыха и молитв», заняться уборкой сена, чтоб уберечь его от приближавшейся грозы. Полицейские и судебные чиновники вымогали у них крупные штрафы, уводили скот и уносили мебель. Корреспондент описывает появление чиновников в доме одного из этих фермеров, от которого они требовали уплаты штрафа в один фунт стерлингов и три шиллинга. «Этот дом и все службы были отмечены печатью самой страшной нищеты, и жена фермера Баттерсби тотчас же объяснила чиновникам, что им скорей следовало принести с собой что-нибудь, чем уносить отсюда. Она прибавила: „Будь я на месте того господина, который прислал вас сюда, я заплатила бы штраф из своего собственного кармана, а не стала бы отбирать имущество у таких людей, как мы. Мой муж — самый трезвый и работающий человек во всем нашем приходе; он ведь только старался спасти наш клочок сена да заработать крошку хлеба, так как живет у нас очень плохо. У нас ни на одной кровати даже одеял нет—каково же подвергаться штрафу, не сделав ничего дурного!“». Далее репортер описывает посещение другого фермерского дома и конфискацию, произведенную там полицейскими****.

На обороте этого листа подклеена еще одна вырезка — из какой-то французской газеты, в которой напечатан негласный приказ французского главнокомандующего маршала Базена, предписывающего войскам, на основании императорского распоряжения от 3 октября 1865 г., не брать противника в плен и казнить всех захваченных с оружием в руках. «Нужно убивать или быть убитым», — этими словами заключает Базен свой варварский приказ.

Сохранилась в архиве Герцена страница газеты «Bernier Zeitung» № 31 от 6 февраля 1861 г. с некрологом проф. Вильгельма-Карла Фогта и вырезка из газеты «L'Indépendance Belge» от конца февраля 1865 г. с корреспонденцией «Новости из России» — по поводу обсуждения в Государственном совете постановлений о печати.

Здесь же находится вырезка из какой-то газеты на французском языке (вероятно, «Le Nord»), с публикацией перевода рескрипта Александра II председателю совета министров кн. П. Гагарину от 13/25 мая 1866 г. в связи с покушением Каракозова (Герцен просил Н. А. Тучкову-Огареву 13 июня 1866 г. не уничтожать номера «Le Nord» с этой публикацией — XVIII, 417). В л. 222 «Колокола» от 15 июня 1866 г. Герцен полностью перепечатал русский текст этого рескрипта, сопроводив бичующим комментарием «эту тяжело думанную и тяжело написанную дис-

* Достопочтенный (англ.).

** принудительных работ (англ.).

*** Рядом с этой вырезкой надпись Герцена: см. 6

**** У этой вырезки Герценом сделана пометка: А в тр. (?)

сертадию», «это риторическое упражнение о развращении умов и сердец, о лжеучениях и теории собственности»— XVIII, 421—427.

На обороте рекламного объявления страховой компании «L'Europeene», перечислявшей размеры выдаваемой ею пожизненной ренты, рукой Герцена написано:

«50 ans*	— 8%,15
52	— 8,60
55	— 9,43

Я стою на 10%. Ну, а что же дадут Фази?».

Сохранился здесь также № 40 газеты «La Rive Gauche» от 19 ноября 1865 г. со статьей «Эпизоды из июньских дней 1848 г. — Подземелья Тюильрийского дворца». Автор этой статьи, Ф. Пардигон, был арестован вечером 23 июня 1848 г. за участие в баррикадных боях и через некоторое время заключен в подземелье Тюильрийского дворца, где уже находились многие сотни повстанцев. Пардигон подробно описывает ужасные мучения, претерпевавшиеся арестованными. На газете рукою Герцена надпись, адресованная, вероятно, Огареву: «Этот № прошу сохранить, прочитав статью Пардигона». Подробностям о мучениях, которым подвергся в июньские дни Пардигон, Герцен посвятил несколько десятков строк в «Былом и думах» (XIV, 240—241).

Здесь же находится экземпляр газеты «La Pensée Nouvelle», № 6 от 21 июня 1868 г. (в котором напечатаны статьи А. Кудро «Bulletin» («Бюллетень»), Ш. Летурно «„De la place de l'homme dans la nature“ de M. Huxley» («„О месте человека в природе“, г. Гексли»), П. Лакомба «Toujours le libre arbitre» («Опять о свободе воли»), А. Лефевра «Philosophie du XIX siècle» («Философия XIX века») и др.; вырезка из газеты «The Times» 1860-х годов с публикацией письма к издателю некоего Vigil'a — «Присутствовал при повешении», в котором он излагал свои впечатления от зрелища казни пяти пиратов, состоявшейся в этот день, и вырезка из неустановленной английской газеты — сообщение «Голодная смерть», с описанием смерти английского докера, человека трезвого и трудолюбивого, который в течение пяти месяцев не в состоянии был найти себе работу; за невзнос квартирной платы домовладелец, несмотря на зимнее время, приказал снять в его комнате оконные рамы и двери, и безработный вынужден был в течение трех недель спать в ледяном помещении.

Наконец, мы находим среди бумаг Герцена вырезку из неустановленной французской газеты от двадцатых чисел мая 1868 г. со статьей-отчетом Ad. Rocher о суде над девятью рабочими, членами парижской секции I Интернационала, обвиненными в нарушении закона, по которому секции, включавшие в себя свыше двадцати человек, должны были получить от правительства предварительное разрешение, дававшее секции право на существование. В статье приводится выступление известного писателя-революционера, переплетчика по профессии, члена I Интернационала Л.-Э. Варлена. В заключительной части его речи к судьям встречаются следующие строки, обратившие на себя внимание Герцена:

«Коснитесь пальцем современности, и вы увидите глухую ненависть между классом, желающим сохранить свое имущество, и классом, который хочет отнять награбленное; вы увидите повсюду бешеный эгоизм и безнравственность: это признаки упадка; почва проваливается под вашими ногами — берегитесь!

* лет (франц.).

Класс, только что появившийся на мировой сцене, чтоб воплотить в жизнь несколько великих идей общественной справедливости, класс, который был угнетен при всех правлениях, класс труда, намерен принести начала возрождения; с вашей стороны было бы благоразумно, если б вы приветствовали его неизбежное восшествие и предоставили ему возможность выполнить свое справедливое дело.

Один лишь ветер полной свободы может очистить эту атмосферу, пропитанную беззаконием и столь чреватую грозными бурями для грядущего.

Когда один класс утратил свое моральное превосходство, доставившее ему главенство, он должен поспешить ступешаться, если не хочет прибегнуть к жестокости, ибо жестокость — это обычный удел падающих правительств. Пусть же поймет, наконец, буржуазия, что поскольку ее устремления недостаточно обширны, чтоб охватить все потребности эпохи,—ей остается только слиться с молодым классом, приносящим с собой мощное возрождение, равенство и солидарность в свободе.

Последний абзац из приведенного нами отрывка отчеркнут характерной для Герцена кривой чертой на полях. Герценом отчеркнуто также начало заметки с информацией о парижской секции Интернационала и объявление приговора (каждый из подсудимых был присужден к трем месяцам тюрьмы и уплате ста франков штрафа).

Таков отчет о вырезках Герцена, сохранившихся в уцелевшей части его личного архива. Мы оставляем вне своего обзора многочисленные вырезки и отдельные номера русских и иностранных газет и журналов за 1870-е—1930-е гг., собранные наследниками Герцена. Они представляют гораздо меньший и чисто библиографический интерес⁷.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Г.—О. XII. 52, 53; Г.—О. XIII. 7, 15) хранятся вырезки из следующих периодических изданий: «The Athenæum» от 6 января и 20 октября 1855 г. (№№ 1419 и 1460); «The Atlas» от 20 октября 1855 г.; «The Critic» от 15 октября 1855 г.; «The Daily News» от конца октября 1854 г., 20 февраля 1855 г., 17*, 20* и 27* апреля 1861 г.; «The Globe» от 25* октября 1855 г.; «Italia del Popolo» от 10 марта 1857 г. и 21 февраля 1858 г.; «Jahreszeiten», № 2 от января 1859 г.; «The Leader» от 3 декабря 1853 г.; «L'Homme» от 22 февраля 1854 г.; «Londoner Deutsches Journal für Kunst, Musik, Literatur, Gewerbe und öffentliches Leben» от 4 августа 1855 г.; «The Morning Advertiser» от 27* апреля 1854 г. и 15* февраля 1855 г.; «The Morning Post» от 8 ноября 1855 г. и 26 октября 1861 г.; «Le National» от 21 февраля 1850 г.; «New-Yorker Abend-Zeitung» от сентября* 1850 г.; «Le Peuple de 1850» от 9 августа 1850 г.; «La Presse» от 13 октября 1856 г.; «Il Progresso» от 24 апреля 1864 г.; «Revue des Deux Mondes» от 15 июля 1854 г.; «Revue Moderne» от ноября 1866 г.*; «The Times» от 7 января 1859 г. и 20* ноября 1861 г. и вырезки из неопознанных изданий — трех английских, одного французского, одного немецкого и одного итальянского. Все остальные вырезки, перечисляемые в обзоре, находятся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 18, 367, 368, 369).

² Приводим текст письма в подлиннике:

«The central polish committie of Warsaw
To the editor of „The Daily News“

Sir,—We be beg you to insert in the columns of your esteemed journal the following document, and remain, with our best regards, yours, etc.

A. Herzen }
N. Ogareff } Editors of „The Bell“

Orsett house
Westbourne terrace».

* Даты периодических изданий, отмеченные звездочкой, приводятся предположительно и не могут быть уточнены нами вследствие отсутствия этих изданий в советских книгохранилищах.

³ Приводим текст письма в подлиннике:

«The russian secret police
To the editor of „The Daily News“

Sir,— An important agent of the russian secret police, councillor of state Matvey Khotinsky, is again in London. We believe it our duty to announce this arrival to alls Poles and russians friends in England.— I am, etc.

Alexander Herzen
Editor of „The Kolokol“

Orsette house

Westbourne terrace, June 2».

⁴ *Пезаны и ланкастеры* — системы пушек, участвовавших в осаде Севастополя.

⁵ Генри Кольберн (умер в 1855 г.) — известный английский издатель.

⁶ *Летучая цель* (the flighty purpose) — выражение Шекспира («Макбет», д. IV, явл. 1).

⁷ В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина среди бумаг известного библиографа С. Д. Полторацкого хранится небольшая коллекция вырезок из иностранных газет и журналов с упоминаниями о Герцене (Полт. 1/21/28—29). Значительный интерес представляет серия корреспонденций из Лондона, напечатанная в реакционной берлинской газете «Neue Preussische Zeitung». В этих корреспонденциях, проникнутых нескрываемой ненавистью к Герцену, содержится, однако, множество фактов, характеризующих его революционно-пропагандистскую деятельность в 1853—1854 гг. и его отношения с различными группировками лондонской эмиграции. Этот период герценовской биографии сравнительно мало изучен, и приводимые сведения явятся весьма ценным подспорьем для его освещения. Разумеется, полностью принимать на веру сообщаемые корреспондентом сведения было бы более чем неосторожно, — они требуют весьма тщательной проверки.

В корреспонденции от 29 июня 1853 г., напечатанной 6 июля, содержались следующие строки о Герцене: «В воскресенье опять состоялось большое собрание у агитатора (Кочута); последний получил, как говорят, из Константинополя письма, содержание коих он сообщил своим товарищам. В связи с этим там присутствовал также и Герцен, который, говорят, выразил готовность обратиться к русским солдатам с *призывом* на русском языке; этот призыв попытается тайно переправить в Валахию через Венгрию! — Сия демократическая любовная записка, по всей вероятности, не дойдет по назначению».

В корреспонденции от 2 июля 1853 г., напечатанной 9 июля, сообщалось: «Как я уже недавно писал вам, русский изгнанник Герцен принял решение объединиться с „демократической централизацией“ польских эмигрантов, для ведения „совместной пропаганды“. Такое же сообщение после того появилось в некоторых немецких газетах. „Объединение“ это действительно состоялось и было утверждено на митинге польских эмигрантов. Начиная с 15 июля Герцен будет также выпускать польскую газету, которая выдвинет „принцип“ союза поляков и русских. По другим источникам, Герцен хочет объединить свою революционную типографию с типографией одного поляка, создавшего недавно подобие же заведение на о. Джерси. Речь идет об „Imprimerie universelle“, печатающей, главным образом, пропагандистские сочинения, французские и польские, и с ней именно Герцен хочет вступить в сношения. Говорят, что эта типография располагает значительным капиталом».

В корреспонденции от 5 августа 1853 г., напечатанной 10 августа, мы находим следующие строки: «Русский изгнанник Герцен, который только что объявил в своей газете о выходе в свет русского памфлета, озаглавленного „Русским дворянам“, недавно вступил в сношения с другими славянами, среди которых находится серб Стоевич, и они объявили себя „Братским союзом славян“. На последнем заседании этого комитета было принято решение, наряду с изданием русской газеты Герцена, начать публикацию другого периодического листка на немецком языке, предназначенного, главным образом, для распространения между австрийскими славянами. Редактирование последнего возьмет на себя Стоевич, который в 1848—1849 гг. сражался против венгров под командованием знаменитого сербского генерала Княканива, но когда увидел, что „национальная борьба“, как он выражается, — ведется лишь на пользу вероломной Австрии и во вред славянской свободе, перешел на сторону венгров. Основные положения программы, которую Стоевич хочет утвердить в своей газете, это — полное уничтожение Австрии, создание общей национальной славянской армии, предназначенной для нападения на Россию сразу же после уничтожения Австрии, восстановление древнего славянского политического государства и его границ и создание федеративной славянской республики. Разумеется, что усилия этого „комитета“ пойдут рука об руку с польской пропагандой, и таким-то образом общая революционная пропаганда приобрела бы новое деятельное звено в этом „Братском союзе славян“. Быть может, небезинтересно будет привести здесь поименно различные пропагандистские общества и фракции с их главарями, обосновавшимися в Лондоне. Здесь имеются: 1) Центральный немецкий демократический комитет, возглавляемый Кинкелем, Руге и Ронге; 2) Тайный социалистический союз, возглавляемый Марксом; 3) Австрийское агитационное объединение, возглавляемое Таузенидем; 4) Венгерский националь-

ный комитет, возглавляемый Кошутом; 5) Мадьярское республиканское объединение (находящееся в оппозиции к Кошуту), возглавляемое Морисом Перцелем; 6) Итальянский национальный комитет, возглавляемый Маццини и Саффи; 7) Общество «La vraie Démocratie», возглавляемое Ледру-Ролленом; 8) Социалистический комитет «La Révolution», возглавляемый Луи Бланом; 9) Центральный республиканско-военный комитет, возглавляемый полковником Шаррасом; 10) фракция Виктора Гюго; 11) Польское литературное общество; 12) Комитет делегатов польской централизации, возглавляемый Ворцелем, издателем «Democrata Polski» (находится в оппозиции к „аристократическому“ Литературному обществу); 13) Комитет польских социалистов, возглавляемый Л. Саваскевичем; 14) Русский агитационный комитет, возглавляемый Герценом, и, наконец, 15) Братский союз славян, возглавляемый Герценом и Стоевичем...».

16 августа 1853 г. корреспондент сообщал из Лондона в номере от 23 августа 1853 г.: «Я писал вам недавно о стремлениях ряда славянских революционеров, образовавшихся здесь среди всех ветвей славянского народа, в результате подстрекательства Герцена, новое общество для распространения славянского национального духа, общество, поставившее своей главной задачей воздействовать на австрийских славян в духе „истинной национальной свободы“. Кажется, я уже сообщал вам, что это общество имеет намерение, для проведения интеллектуальной пропаганды, выпускать революционную славянскую газету, которая должна будет представлять „общие интересы семьи славянских народов“. Сегодня у меня в руках находится объявление об издании этого периодического листка, — в виде прокламации, озаглавленной „Нашим славянским братьям всех племен“ и переведенной на немецкий язык». Далее автор корреспонденции цитирует несколько фраз из этого воззвания.

В корреспонденции от 12 сентября 1853 г. (номер от 17 сентября) сообщалось: «В прошлое воскресенье состоялось первое заседание нового „Республиканско-славянского объединения“ на City-Road. „Программа“, которая была предложена там Герценом, Ворцелем, Базурой и Талькевичем, более или менее аналогична уже сообщенной вам мною недавно программе „Новой славянской газеты“; как меня заверили, она начнет выходить с 1 октября. Герцен принимает меры для привлечения богемских и сербских наборщиков, которые, как он объявил на этом собрании, придут в Лондон в конце месяца. Он значительно расширил свою русскую типографию, а также снабдил ее двумя станками, предназначенными для печатания богемских и сербских изданий, причем вышеназванный Талькевич — серб по происхождению — привлечен в качестве familus'a* Герцена, так как последний несведущ в сербском языке. К Кошуту и мадьярской пропаганде это „Славянское общество“ находится в сильнейшей оппозиции (<...> Герцен подготовил также новое издание известного революционного сочинения Бакунина — „Призыв к славянам“, обнародованного им в 1848 г., и предпослал ему „современное“ предисловие, в котором, естественно, встречаются в самых прихотливых вариантах излюбленные лозунги: „К оружию!“, „Смерть тиранам!“, „Да здравствует славянская свобода!“ и т. д.».

16 января 1854 г. (в номере от 20 января) лондонский корреспондент писал: „Мне снова сообщают — как о достоверном факте — об отъезде Высоцкого в Константинополь. Меня уверяют даже, что он вступил в сношения с известным русским демагогом Герценом „с целью пропаганды в русской армии“, выступающей в настоящее время против турок. К этому добавляю, что Герцен дал Высоцкому для распространения в Валахии его последнюю прокламацию „К русской армии“, которая, по словам «Democrata Polski» не замедлит произвести глубокое впечатление**.

Мы находим также в последнем номере периодического листка «L'Homme» прокламацию Герцена, озаглавленную „Aux frères russes“. Герцен безумно стремится добиться революционного „примирения“ между поляками и русскими, предлагает русским вступить в заговор с ним и с польскими демократами и освободить Россию от ее „азиатской тирании“. „Вы должны, — восклицает Герцен в конце этого зажигательного сочинения, — вы должны принять протягиваемую вам руку и вступить в сношения с нами...“.

Помимо перечисленных корреспонденций «Neue Preussische Zeitung», в коллекции Полторацкого содержится еще несколько не представляющих особого интереса вырезок о Герцене из газет: «Estafette» от 16 октября 1853 г., «Magazin für die Literatur des Auslandes» (№№ 41 и 45) от 5 апреля и 9 мая 1854 г., «Allgemeine Zeitung» (?) от 10 мая 1855 г., «Le Siècle» от 25 октября 1857 г., «La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique» от ноября 1853 г. (см. XVIII, 54).

* помощника (лат.).

** К этому месту редакция «Neue Preussische Zeitung» сделала следующее примечание: «Мы посоветовали бы при случае г. Герцену лично раздавать прокламации на казачьих аванпостах, — мы уверены, что казаки надлежащим образом вознаградили бы его за эту услугу».